

Е. Киселева



московских
художников

„Художник РСФСР“

Ленинград · 1976

„Недурно пуцено“

Иногда Шмаровин спрашивал себя: «Как это случилось, что художники полюбили мой дом?» Тридцать пять лет, начиная с октября и кончая маем, еженедельно по средам приходили к Владимиру Егоровичу Шмаровину художники. К Шмаровину ли? И да и нет. Они шли к нему и к себе одновременно. Велика потребность людей в непосредственном общении друг с другом. Приятна веселая минутка с друзьями и знакомыми. Перекинуться последними новостями, обменяться пусть незначительными словами всегда нужно даже людям замкнутым, молчаливым. Долго и упорно трудится художник у себя в мастерской, в поле, в лесу. Пока работает, он один. А потом? Потом надо повидаться с друзьями, знакомыми. Обязательно надо.

1886 год. Москва. Где могут встретиться художники? Есть кружок Саввы Ивановича Мамонтова, но там принимают далеко не всех. Рисовальные вечера у Поленовых — еще более ограниченный круг... Московское училище живописи, ваяния и зодчества? Но

художники уже вышли из его стен, и, хотя теплота чувства к дому на Мясницкой сохранится на всю жизнь, хочется чего-то нового. Есть в Москве Общество любителей художеств. Оно существует с мая 1860 года. Возраст почтенный, почтенны и намерения его, записанные в уставе: «...Цель Общества, кроме содействия распространению и процветанию художников, есть следующая: 1. Обеспечить талантливых и трудолюбивых художников после выхода их из художественных заведений. 2. Сблизить любителей с художниками...» (ЦГАЛИ, ф. 660, оп. 1, ед. хр. 8).

И Общество старалось осуществить эти цели: устраивало периодические выставки, конкурсы по пейзажу, портрету, жанру, устанавливало премии; чтобы сблизить любителей с художниками, собирало по пятницам вечера — на них выступали артисты, музыканты, писатели, поэты, разыгрывались лотереи. Но те из художников, кто не успел или не сумел громко заявить о себе в искусстве, испытывали в Обществе некоторую неуютность, отчужденность. Их держали на почтительном расстоянии, окружали легким холодком, хотя внешне это никак не проявлялось.

На «пятницах» в Обществе бывали К. С. Шиловский и В. Е. Шмаровин.

Константина Степановича Шиловского знала вся Москва. Сын известной певицы, артистки Большого театра красавицы М. Шиловской, он был одаренным человеком. За что бы ни брался Константин Степанович, все у него получалось. К сожалению, он ни на чем не останавливал долго своего внимания. Между тем Шиловский был неплохим скульптором: вылеп-

ленная им в начале восьмидесятых годов голова для оперы «Руслан и Людмила» долго украшала сцену Большого. Шиловский был в ладу с рифмой и принимал участие в составлении либретто для оперы Чайковского «Евгений Онегин». Он и его брат дружили с композитором, и Петр Ильич не единожды гостил у Константина Степановича в Глеbove, недалеко от Нового Иерусалима. Шиловский мог сочинять музыку, писал и печатал стихи и рассказы, работал и опубликовал в журнале «Артист» «Курс о театральном гриме» (долгое время остававшийся почти единственным подобным руководством), сочинял цыганские романсы, славившиеся в Москве. Ко всему он был удивительно веселым и добродушным человеком. Константин Степанович много лет выступал в любительских труппах, а в 1886 году дебютировал в театре Корша; в роли актера он дожил до конца своих дней, перейдя только позже на сцену Малого.

Как-то после очередной, очень уж неуютной «пятницы» Общества любителей художеств он пригласил художников к себе домой в субботу. Кто откликнулся, кто — нет, но начались «субботы» Шиловского. К Константину Степановичу приходили его друзья-актеры, на вечерах играл фортепьянные пьесы брат Шиловского — ученик Чайковского. Непременным атрибутом «суббот» был бубен — обыкновенный бубен, который энергично встряхивался хозяином после каждой удачной шутки или актерской импровизации.

«Субботы» Шиловского проходили весело, в обстановке самой дружеской и непринужденной. Но

Шиловский вздумал сопровождать их обильными ужинами: подавались дорогие вина, изысканные блюда. А сколько можно ужинать на чужой счет? «Субботы» стали распадаться. Тут-то и выступил Владимир Егорович Шмаровин.

Сын приказчика, он окончил сначала городскую школу, а затем бухгалтерские курсы. Все свободное время Владимир Егорович отдавал любительским спектаклям. Отец его был страстным театралом. Особенно любил он Малый театр, где у него в друзьях ходил чуть не весь оркестр труппы. Мальчиком Владимир Егорович пересмотрел вместе с отцом из оркестровой ямы репертуар Малого театра не один раз. В любительских спектаклях Шмаровин выступал с удовольствием и не без успеха. Особенно в пьесах Островского: уроки Малого сказывались. В роли Красного его приезжала смотреть Мария Николаевна Ермолова. Неизвестно, чем бы кончились увлечения Шмаровина театром, но в любительской труппе он познакомился с художником Николаем Алексеевичем Богатовым.

Николай Алексеевич окончил Училище живописи, ваяния и зодчества. Излюбленной темой его была жизнь и быт русской деревни и особенно сценки с крестьянскими ребятишками.

Картину Богатова «На дворе» ко времени знакомства художника со Шмаровиным купил для своей галереи П. Третьяков, а «Старушку со свечой» — И. Тургенев.

В любительских спектаклях вместе с Богатовым и Шмаровиным выступал с увлечением С. Поляков. Он и рекомендовал Владимира Егоровича бухгалте-

ром на службу к своему отцу, богатому московскому купцу Полякову. На дочери Полякова, Агриппине Александровне, Шмаровин вскоре женился.

Между тем Богатов ввел Шмаровина в свой круг художников. Познакомившись с молодыми живописцами той поры — начала 80-х годов, Шмаровин стал понемногу покупать их работы. Одной из первых оказался этюд И. Левитана — Шмаровин приобрел его с ученической выставки Училища живописи, ваяния и зодчества. Началось знакомство, а затем и дружба с Левитаном, длившаяся многие годы.

Вместе с Николаем Алексеевичем Богатовым пришел Владимир Егорович Шмаровин и в Общество любителей художеств, сначала на очередную выставку Общества, а затем стал бывать на «пятницах». Случилось тут познакомиться Шмаровину с Василием Ивановичем Суриковым.

Николай Алексеевич Богатов был в дружеских отношениях с художником. Он знал о работе Сурикова над картиной «Меншиков в Березове». Случайно в подмосковном имении княгини Меншиковой-Корейш он обнаружил бюст петровского вельможи. Богатов вылепил копию его из глины и, отлив в Москве, отнес Василию Ивановичу Сурикову. Бюст послужил предлогом, чтоб познакомить Владимира Егоровича и его брата Колю с художником. Лицо Коли Шмаровина понравилось Сурикову. Он сделал с него рисунок, а затем просил позировать для старшего сына Меншикова. Отношения из официальных перешли в более близкие. Перед отправкой «Меншикова» в Петербург на передвижную выставку Васи-

лий Иванович пригласил братьев Шмаровиных посмотреть картину. Это было в начале 1883 года.

— С той поры, — говорил Шмаровин, — не стало для меня выше человека, чем художник.

На ученических выставках Московского училища живописи он появлялся одним из первых и поначалу робко, но настойчиво покупал пейзажи. С периодических и передвижных — не решался, зато просиживал на них целые дни с открытия и до закрытия.

Не мыслил Шмаровин большей радости, чем провести часок-другой с художниками, побывать в мастерских Училища живописи, на выставке и вообще там, где можно встретить художников или увидеть их работы. Вместе с ними скучал он в Обществе любителей художеств на «пятницах» и веселился у Шиловского на «субботах».

Но вот Владимир Егорович увидел, что «субботы» распадаются и, не долго думая, пригласил к себе художников в среду. Пригласил и заволновался...

Владимир Егорович занимал с женой небольшую квартиру в Савеловском переулке. От природы добряк и хлебосол, он хотел, чтоб художники почувствовали себя у него хорошо, но понимал: доброты и хлебосольства для этого мало. Кинулся к Богатову и художнику Соллогубу. Соллогуб был известен в Москве как артист-любитель, поэт, драматург, но главным образом как театральный художник и иллюстратор. Племянник автора «Тарантаса» В. Соллогуба, Федор Львович сумел завоевать немалый авторитет и уважение среди москвичей восьмидесятих годов. Шмаровин знал его по любительским

спектаклям, где тот неизменно и с успехом выступал в ролях драматических героев.

Соллогуб посоветовал Шмаровину в среду, когда придут художники, не устраивать ужина:

— Чай, обыкновенный московский чай из самовара с баранками, да хорошо бы еще гостей, когонибудь из артистического, музыкального мира...

Богатов долго думал:

— А знаешь, Шмаровин, попробуй сделать что-нибудь вроде рисовальных вечеров. Наш брат художник себя обретает, когда в руке карандаш. Почертил, почертил на бумаге, тут оно и получается, что все как бы на своих местах, привычно, покойно, а самовар тоже неплохо. Вечерком стаканчик-другой горячей водички — к месту, а все остальное представь художникам.

Волновался Шмаровин напрасно. После двух-трех «сред» Шиловский, «субботы» которого совсем опустели, пришел к Шмаровину и принес бубен и гимн.

— Недурно у вас получается, — сказал он, — бубен — это наследство «суббот», а гимн сочинил специально для вас, он состоит из двух слов — «Недурно пущено» — и поется на мотив «Та-ра-ра бумбия, сижу на тумбе я».

Гимн и бубен были приняты как символ новых встреч художников по средам. К ним добавили «кубок Большого орла», который подносился авторам остроумных и веселых шуток, экспромтов и вообще всем так или иначе отличившимся.

Богатов оказался прав. Идея рисовальных вечеров понравилась, но художники внесли свои добав-

ления. Решили рисунки, выполненные на «среде», продавать, а на вырученные деньги покупать необходимый для работы материал, если же средства позволят — рисовальный час заканчивать ужином.

Цены на работы художники устанавливали сами, но в пределах от трех до пяти рублей. После нескольких «сред» Шмаровин в решение внес некоторые коррективы.

— В пользу «Среды», — объявил он, — от проданных работ идет только двадцать процентов, остальные деньги — автору.

Возражать никто не стал: среди участников «сред» много было начинающих художников, недавно вышедших из стен Московского училища живописи, и даже небольшие деньги оказывали им зачастую существенную помощь. Шмаровину спели гимн «Недурно пущено». Организаторско-учетную часть Владимир Егорович взял на себя, он же предоставлял художникам помещение, конечно, бесплатно; все остальные расходы кружок нес сам.

Жизнь «Среды» началась в Савеловском переулке. Это было осенью 1886 года.

Рано утром по средам в Савеловском переулке показывались две подводы. Они подъезжали к дому, где жил Владимир Егорович Шмаровин. Разгружали стулья.

В квартире Шмаровиных с утра все переворачивалось. В столовую из других комнат выдвигали столы — круглые, квадратные и даже ночные треугольные. Их располагали буквой «Г» и накрывали большими листами ровной прессованной фанеры. Затем расставляли стулья, привезенные утром из

копторы однодневного найма мебели. Много времени отнимала у Владимира Егоровича большая линейная керосиновая лампа. Ее накануне забирали у Богатова, и каждую среду начинались одни и те же мучения — лампа не хотела разгораться, коптила. Владимир Егорович заново наливал керосин, долго и тщательно подрезал и чистил фитиль, но все напрасно: не выпустив очередной порции копоти, лампа не разгоралась.

— Чужих рук не любит, — скажет Богатов.

После столов, лампы и стульев готовился инвентарь «Среды»: краски разных сортов — масляные, акварельные, гуашные; кисти, стаканы с водой, резинки, цветные карандаши и черные карандаши «негро». В последнюю очередь раскладывалась бумага. По мнению Шмаровина, бумага для «Среды» — самое ответственное дело. Юлий Федорович Брокман, хозяин магазина на Неглинной, был рад приобрести оптового покупателя, но хлопот ему Владимир Егорович доставлял немало. Кипы бумаги перевернет, ни одного листа, не просмотрев, не отложит. Брокман вместе с ним отбирал бумагу и дивился терпению Шмаровина.

Когда прошло несколько «сред» и рисунков оказалось довольно много, а кроме того, появились работы акварелью и маслом, Владимир Егорович решил наклеивать их на паспарту. Пригласили мастера Медведева. Но Шмаровин остался им недоволен:

— Берет дорого, а случаются перекосы.

— Да что вы, Владимир Егорович, — возражали ему, — кто в Москве лучше Медведева наклеит рису-

нок на паспарту? Суриков Василий Иванович отдает ему свои работы, да и все художники.

— Ну и что? — не соглашался Шмаровин. — Левитановскую акварель «Деревня» перекосил? Да! Пришлось снимать с паспарту, а дело это? Я думаю, Медведеву одинаково, что в руки брать — рисунок или лопату, — никакого трепета!

Шмаровин, конечно, преувеличивал, но сам он брал в руки работы художников действительно с трепетом. Недовольный Медведевым, он немало времени потратил, но научился наклеивать рисунки и акварели сам, да так, что мог легко спорить в мастерстве с Медведевым. Долго и старательно подбирал он к каждой работе оттенок паспарту, чтоб фон не убил красок. Зато сколько радости испытывал, если случалось слышать от художников:

— Дядя Володя, да ты чудесник!

Все рисунки, выполненные на «Среде», строго учитывались. Они оценивались автором и оставались его собственностью, он мог в любой момент забрать их. После наклейки работы на паспарту Шмаровин ставил на ней порядковый номер, и рисунок вносился в специальную книгу регистраций под фамилию автора. Перед приходом художников папки с рисунками, акварелями и работами маслом Владимир Егорович раскладывал на столе, откуда пришедшие на «среду» гости могли взять их и посмотреть. С годами, несмотря на систематическую продажу работ любителям (сначала прямо на вечерах «Среды», а затем через аукционы и художественные магазины «Аванцо» и «Дациаро»), папки

эти составили фонд работ кружка. Художники называли его альбомом «Среды».

Много интересного хранил альбом, позволив членам кружка устраивать свои выставки, аукционы, жертвовать рисунки и акварели на благотворительные вечера и даже в музеи, разыгрывать их в лотерею.

С годами альбом, который создавался художниками между разговорами, иногда спорами, шутками, приобрел общественный интерес, как и вся жизнь «Среды».

Участники «сред» в основном были членами Товарищества передвижников, Московского товарищества художников и Союза русских художников. В этих организациях протекала их творческая и общественная жизнь, все они были активными участниками выставок названных объединений. На «среду» приходили развлечься, повеселиться, лишний раз встретиться, перекинуться шуткой, увидеть и услышать старших товарищей по искусству, гостей кружка, а среди них бывали интересные актеры, певцы, музыканты, писатели. Случилось так, что «среды» превратились в место встреч художников, объединенных реалистическим направлением в живописи. Общность взглядов на искусство, интересов способствовала той обстановке непринужденности, которая создавалась на вечерах между членами «Среды» и захватывала ее гостей.

Немалую роль в поддержании кружка сыграл и денежный фонд, созданный на проценты от продажи работ, выполненных на вечерах «Среды». Каждый член кружка был здесь у себя.

Не часто и далеко не везде решался Исаак Ильич Левитан петь, а на «Среде» пел и при этом сам себе аккомпанировал на гитаре. Замкнутый и несловоохотливый Алексей Степанович Степанов бывал на «среде» рассказчиком, и рассказчиком живым, интересным. Федор Карлович Бурхард забывал о своей обычной снисходительности и некоторой заносчивости, а Сергея Сергеевича Голоушева просто нельзя было остановить: он замолкал только тогда, когда вносили в комнату большой медный самовар. Отлично чувствовали себя на «Среде» художники С. Ягужинский, Н. Клодт, А. Ефимов, А. Левитан, Ф. Соллогуб, а поначалу даже и В. Переплетчиков, человек в общем-то нелёгкого характера. Скульптор Вячеслав Антонович Кафка, чех по рождению, окончивший Академию художеств и получивший звание свободного художника за статую Ермака, приходил иногда на «Среды» с Василием Ивановичем Суриковым, без конца расспрашивая его о Сибири, которой очень интересовался. Александр Александрович Киселев на «Среде» особенно легко шутил и складывал стихи. Скажет кто-нибудь слово, фразу, а он к ним сейчас же рифмованную строку, и это независимо от того, чем сам занят: рисует или играет в шахматы со Шмаровиным. От коней и королей легко отвлекал Александра Александровича Константин Коровин: любил он Коровина, и не раз можно было услышать от Киселева:

— Мне мать, как мальчонкой был, сказывала: мужчина, говорит, чуть получше черта — и уже красавец. Ничуть! Получше черта, так красавцем не

станешь, а вот Коровин — это красавец, как есть красавец, и нельзя его не любить.

С годами состав «Среды» менялся: появились молодые художники, более почтенные члены «Среды» превращались в ее гостей, случалось и наоборот, но совсем кружок забывался редко. Год, два нет художника, а потом опять придет. «Среда» видела в своих стенах Л. Лагорио, И. Калмыкова, В. Симова, В. Суреньянца, М. Ярового, Л. Туржанского, П. Петровичева, А. Голубкину, позднее К. Петрова-Водкина, Н. Струнникова, А. Кравченко, Д. Моора, Ивана Павлова и других художников — ведь «Среда» жила много лет.

Число постоянных членов «среды» обычно в сезон доходило до тридцати человек. Каждый член кружка мог привести с собой двоих гостей. Артисты, музыканты, писатели приходили сами, заглядывали и другие художники, не члены «Среды». К концу первого сезона 1886/87 года Сергей Сергеевич Голоушев стал называть вечера по средам у Шмаровина художественным кружком «Среда». Он предложил выработать устав, официально заявив о существовании кружка. Художники заволновались. Официальное заявление требовало печатного устава, утвержденного московским градоначальником. «Среды» могли утратить свою домашнюю теплоту, интимность и непринужденность. Предложение Голоушева отклонили. Решили ограничиться письменным постановлением, обязательным для всех членов. В нем было сказано:

«...О взимании с членов-исполнителей двадцати процентов от проданных рисунков как сумму при-

хода для нужных по организации «Среды» расходов.

2. Каждый из членов вводит гостя за своим ручательством. В случае нарекательного поведения гостя член, его введший, лишается права на будущее вводить гостей.

3. Вновь поступающие члены избираются наличным составом следующего вечера.

4. Каждый член вносит при открытии сезона пять рублей.

5. Если на вечерах не наберется тридцати пяти человек — вечера продолжать, а недостающую сумму расходов по балансу разложить поровну на членов».

Постановление было встречено громким звоном бубна и гимном «Недурно пущено» — он пришелся художникам по вкусу и распевался более чем охотно и энергично при всяком удобном случае.

В
обществе
искусства
и литературы

В Москве в 1888 году открылось Общество искусства и литературы. Основали его К. Станиславский, А. Федотов, Ф. Комиссаржевский и член «Среды» Ф. Соллогуб.

Спокойное лицо Федора Львовича оживилось, когда он рассказывал на «Среде» о новом обществе.

— Все началось в Немецком клубе с «Сутяг» Расина, — говорил Соллогуб. — Ставил их Александр Филиппович Федотов. По этому спектаклю познакомились с ним Станиславский, настоящая его фамилия Алексеев, и Комиссаржевский. «Сутяг» отыграли, и надо было уходить со сцены Немецкого клуба. Тут-то они все вместе и сговорились снять помещение и организовать в нем новое общество. Я их сначала останавливал — затея требовала немалых расходов, они могли не окупиться спектаклями, да какое — и слушать не хотели. Сняли помещение на Тверской в доме Гинцбурга, где раньше был театр Бренко. Помещение еще ремонтировали, а мы за сели за устав.

Соллогуб сообщил, что Общество намерено распространять познания в области искусства и литературы, давать возможность проявлению и развитию сценических, музыкальных и художественных талантов. Последние слова Соллогуба заглушил хор: художники пели «Недурно пущено», выражая одобрение.

Кроме всего этого, Соллогуб сообщил, что Общество будет иметь свое оперно-драматическое училище, устраивать музыкальные и литературные вечера, юбилеи писателей и выставки.

— В самом центре здания — театральный зал, вокруг — фойе, и есть большая комната, которую общество поручило мне предложить в распоряжение «Среды».

«Среда» предложение Общества искусства и литературы приняла. Решили, однако, в Савеловском вечеров по средам не прекращать, а в дни спектаклей, интересных литературных и музыкальных выступлений, юбилеев собираться еще и в доме Гинцбурга.

Художники «Среды» принимали живейшее участие в подготовке к открытию Общества искусства и литературы советами и делами. Первые спектакли Общества были оформлены членами «Среды» К. Коровиным и Ф. Соллогубом. Члены «Среды» помогали декорировать фойе, оформляли программы вечеров и спектаклей Общества.

Комната самих художников пользовалась успехом. Она превратилась в своеобразную гостиную, собиравшую много народа. И не удивительно. Приятно провести время в помещении, где вместо стен

убегающая в просторы русских полей дорога — по обочинам ее рассыпаны цветы, изображен был здесь и дремучий лес, населенный лисами, медведями, совами, белками и другими зверюгами. Гордостью комнаты художников да и всего Общества оказались три огромные вазы из папье-маше, сообща расписанные. Они были настоящим украшением уголка художников и привлекали неизменный интерес своим замысловатым фантастическим сюжетом и формой его исполнения.

И потом, разве не интересно посмотреть на работающего Левитана? Возьмет в руки чистый лист бумаги, пройдет немного времени, и появляется на нем пейзаж. Федор Львович Соллогуб занят иллюстрациями к «Золотому петушку», он украшает дюжину фарфоровых тарелок. Хмельницкий рисует украинских музыкантов и поля желтых подсолнухов. Коровин занят с учениками оперной школы Общества. В углу, где они собрались, то и дело раздаются взрывы смеха. Иногда Константин Алексеевич между шутками и разговорами набрасывает чью-либо головку и тут же подарит ее модели. Сергей Ягужинский пишет свои акварели, Николай Клодт рисует лошадей, собак. Нарисует и покажет А. Степанову. Молчаливо, насупившись, сидит в стороне от других В. Переплетчиков.

— Философ, о чем мыслишь? — крикнет ему весело Шиловский.

Когда художников собиралось много, приходили и члены Общества из его артистического состава. Заглядывал Станиславский; правда, он долго не задерживался, всегда спешил на сцену. Тихо шагал

между рисующими художниками Артем. Совсем недавно он так же ходил в классах гимназии, где преподавал рисование и чистописание, теперь он выступает в спектаклях Общества, и с успехом — это начало его замечательного артистического пути. Подолгу сидит у художников и разговаривает с ними Гликерия Николаевна Федотова. Иногда звучит серебряным колокольчиком голос Веры Федоровны Комиссаржевской, тогда начинающей актрисы. Отец ее, оперный певец в прошлом, а теперь режиссер и директор Общества, довольно улыбается, слушая свою дочь.

Из фойе доносятся звуки рояля. Незаметно подходит время спектакля, и все отправляются в зрительный зал. Случалось, что и не все. Кто-нибудь, позируя, увлеченно разговаривает с художником, а кто-то еще более увлеченно рисует, третьему эта комната — самый уютный и желанный уголок, он мечтает стать художником, и запах масляных красок дороже ему всех спектаклей мира.

В январе 1889 года «Среда» получила от секретаря Общества искусства и литературы письмо: «Хорошо, если бы господа художники придумали какой-нибудь оригинальный вечер на масленице. Обсудили бы, да и сделали. Фантазии-то у вас не занимать. Если потребуются справки, то я всегда к вашим услугам, во всякое время дня и ночи...» И тут же следом Голоушев присылает Шмаровину записку: «Нас всех зовут сегодня (вторник) в Общество искусства и литературы потолковать о разных художественных делах, выставках, вечерах и т. д. Если вы не сможете, попросите Ягужинского».

«Среда» переживала в это время хорошие дни. Настроение у большинства членов ее было приподнятое. Только что, 25 декабря, на Дмитровке, в Обществе любителей художеств открылась восьмая периодическая выставка. Волнения, которые ей предшествовали: примут ли, как повесят, в каком зале, кто будет сосед и, наконец, как пройдут конкурсы — остались позади. Из членов «Среды» на выставке участвовали В. Переплетчиков, И. Левитан, А. Киселев, Н. Коваленко, С. Кувшинникова, Ф. Бурхард, Н. Богатов, Н. Егорьев, А. Степанов, К. Коровин. Кроме того, К. Коровин выставил на конкурс картину «За чайным столом», написанную в Жуковке у Поленовых, и получил вторую премию Общества.

Немало волнений, разговоров и восхищений вызывал на этой выставке у художников Валентин Серов, впервые показавший «Девочку с персиками» и «Девушку, освещенную солнцем».

Сразу после выставки «Среда» провела свой первый рождественский костюмированный вечер. Он прошел хорошо, и гости — члены Общества искусства и литературы — предложили «Среде» устроить совместный бал. Все материальные затраты Общество брало на себя, от художников требовалась фантазия и изобретательность в оформлении.

В Москве ждали этого бала.

Бал во всех залах Российского благородного собрания, и не просто бал с танцами и аттракционами, а костюмированный, с жюри и премиями за лучший костюм. Кстати, премии тоже готовили художники. По их рисункам заказали золотую брошь-палитру — первую премию за женский костюм и серебряный

кубок — за мужской. Кроме того, в качестве премий были приготовлены два бубна, расписанные Соллогубом и Степановым, и две палитры с рисунками Переплетчикова и Богатова.

Работа по оформлению залов Собрании отняла немало сил и времени. В комнатах верхнего этажа Общества искусства и литературы, в учебных помещениях, в некоторых классах Училища живописи и во всей квартире Шмаровина в Савеловском переулке кипела работа. Ягужинский разрисовывал программу бала, она вручалась вместе с билетом и должна была отличаться изяществом. Коровин, Соллогуб, Кафка, Исаак Левитан, Переплетчиков, Богатов, Шиловский, Сильверсван, Степанов трудились над оформлением залов. Набрасывали эскизы, затем вносили общие коррективы, предложения, изменения и только после этого приступали к выполнению декораций.

18 февраля 1889 года, когда москвичи собрались в Охотном ряду, в Российском благородном собрании, там было чему подивиться. За стенами оставалась зимняя стужа, холодная морозная Москва... А здесь можно было погулять в парке восемнадцатого века, где много зелени, солнца и тепла. Богатов и Коровин трудились не зря. Зал этот немедленно заполнился до отказа... А если изысканной зелени парка кто-то предпочитал дикие горы Кавказа, он мог найти и их. В одном из залов был настоящий Кавказ, серые заснеженные вершины гор, буйные реки, отвесные скалы и могучие орлы в синем безоблачном небе. Все это перенес сюда Богатов. Он же устроил в следующем зале сельскую ярмарку —

с каруселями и балаганами, связками кренделей, мятными пряниками и сахарными петушками. Можно было побродить и в настоящем лесном царстве, устроенном Левитаном, Соллогубом, Переплетчиковым. А каких зверюг насажал в нем Степанов и каким огнем заставил гореть их глаза Коровин! Но, быть может, кому-то зима не надоела? Что ж, и она была в тот день в залах Собрания, зима коровинская, холодная и солнечная, морозная и снежная.

Еще искрились в волосах капельки растаявшего снега, опраправлялись складки платьев и маскарадных костюмов, помятые длинными ротондами, а глаза разбегались, не зная, на чем остановиться, какой выбрать зал, — все они были представлены на программе бала у входа.

Были и павильоны. И тоже сделанные художниками. Вячеслав Антонович Кафка долго и старательно вырезал из картона по рисункам Ягужинского ромашки, колокольчики, незабудки, которые затем составили в букет-павильон, где продавали живые цветы. Павильон литературы был сделан по рисунку Богатова. Но верхом совершенства оказался японский павильон, выполненный Коровиным. Он сам делал эскизы и картон расписывал сам. В павильоне продавали изделия «Среды».

Концертная часть давалась силами Общества искусства и литературы. Седьмым чудом бала был цыганский хор, составленный из учеников оперной студии Общества. А может, его солистка — хрупкая, с удивительно обаятельным голосом.

— Кто это? — Ответить тогда могли немногие. А была это Вера Федоровна Комиссаржевская.

Бальный военный оркестр почти без перерыва играл, а среди танцующих ходила дама, костюм которой привлекал всеобщее внимание. «Платье, перехваченное складками газа, — писали на другой день о костюме газеты, — было под цвет моря, художественно и оригинально вуалированное морскими водорослями. В движении оно давало впечатление легкой волны. На напудренном парике с локонами, как бы на гребне белой пены, виднелся прекрасно сделанный корабль с мачтами и снастями. На плече сидела белая чайка, на поясе висела канатная цепь и якорь...» Жюри (оно состояло из Станиславского, Комиссаржевского, Федотовой и Соллогуба) единогласно присудило первую премию этому костюму. Автором его был Константин Коровин. Программа бала едва закончилась к утру, оставив по себе долгие и приятные воспоминания.

Вскоре после бала художники решили устроить в Обществе искусства и литературы аукцион «Среды». Они хотели внести свою денежную лепту в кассу Общества.

Обычно все, что делалось художниками в течение вечера, тут же раскупалось. К рисункам, акварелям и небольшим этюдам маслом прибавились теперь новые интересные вещи. В магазине покупали деревянные ложки, миски, блюда, коробки, фарфоровые тарелки, чашки и расписывали их. Получались занимательные и приятные для подарка предметы.

Аукцион проходил в комнате художников 4 марта 1889 года. Перед началом всю продукцию, предназначенную к продаже, выставили для обозрения гостей. Это была первая распродажа работ «Среды»

вне самих вечеров по средам. Ушло все, включая молоток и барабан, специально для аукциона распланированный Степановым и Ягужинским. Двадцать процентов от проданных вещей, как всегда, пошли в кассу «Среды», двадцать — в пользу Общества, остальные деньги — авторам. Аукцион завершился концертом, танцами, веселыми и серьезными разговорами друзей и знакомых.

Со временем Общество все больше и больше отдавалось театральному направлению. Члены «Среды» реже появлялись в доме Гинцбурга, а с переездом «Среды» на Молчановку вообще стали собираться только у себя.

Дни на Мочановке

«Среде» с годами стала мала квартира Шмаровиных в Савеловском переулке. Хороша поговорка «в тесноте, да не в обиде», но ведь еще лучше, если и не в обиде и не в тесноте. Исходя из ряда соображений — семейных и «средских» — Шмаровины арендовали дом, небольшой, но вполне достаточный, чтобы разместить собрание «Среды» и коллекции самого Владимира Егоровича. Хотя работ немало продавалось, папки с ними росли, прибавлялись расписанные деревянные и фарфоровые вещи. В обычай «Среды» вошло иногда в конце сезона, а иногда и несколько раз в сезон, по праздникам и другим датам Владимиру Егоровичу в благодарность за внимание, заботу и труд на пользу кружка вручать большие орнаментированные листы с автографами художников и словами признательности. Иногда орнамент составлялся из рисунков многих авторов. Адреса эти Шмаровин ценил и хранил. Он по-прежнему время от времени покупал этюды художников. Росла и другая коллекция Шмаровина. Он увлекался

археологией, все время, свободное от бухгалтерской службы в фирме Поляковых и дел, связанных со «Средой», проводил на раскопках подмосковных курганов. Височные кольца, серьги, гребни, браслеты, покрытые патиной времени, шеломы, оружие лежали в ящиках и коробках, а их хотелось видеть хорошо размещенными.

Словом, дом был снят — обыкновенный старинный одноэтажный особняк, каких и сейчас немало в тихих переулках Арбата. Стоял он на углу Борисоглебского и Молчановки. Самое большое помещение — зал с колоннами — принимало членов и гостей «Среды». Стены зала украшались живописными работами из коллекции Шмаровина, купленными им у художников в мастерских, на выставках, на «Среде». Висели и этюды — памятные подарки дружеских отношений с авторами.

Членам «Среды», и почтенным по возрасту, и более молодым, приходившим на вечера, было на что посмотреть в этом зале. Этюды В. Сурикова к «Утру стрелецкой казни», репинские портреты, пейзажи А. Саврасова, И. Шишкина, В. Поленова, множество этюдов и рисунков И. Левитана, а дальше молодой и более зрелый К. Коровин, С. Иванов и А. Архипов, А. Степанов и В. Серов, В. Васнецов, А. Васнецов, работы В. Верещагина, М. Нестерова, С. Виноградова, В. Переплетчикова. В арке, отделенной от зала колоннами, стояла мраморная копия Венеры Милосской — она переехала на Молчановку из Савеловского. По обе стороны от Венеры — горки, которые постепенно заполнялись фарфором и старинным серебром, купленным Владимиром Егоровичем на Су-

харевских развалах. Книжные шкафы частью стояли в зале, частью в кабинете Шмаровина. Члены «Среды» могли в них найти, кроме классической русской и иностранной литературы, книги современников и периодику — «Вестник Европы», «Всемирную иллюстрацию», «Русскую мысль», «Ниву», «Артиста» и другие издания.

Художники шутили:

— Наш зал не хуже зала Российского благородного собрания. Колонны есть, а собрания разве не благородны?

Середину зала занимал огромный раздвижной стол, во время танцев он отодвигался к стене. Вокруг размещалось достаточное количество стульев, беккеровский рояль, низкие диваны вдоль стен; круглые и квадратные столики около них довершали обстановку. Обычно, пока художники рисовали, гости сидели на диванах, рассматривали папки с рисунками, наблюдали за работой хозяев «Среды», разговаривали между собой, а то и с художниками, перелистывали книги и журналы. Распоряжалась «Среда» еще одной комнатой, здесь размещалась археологическая коллекция Шмаровина — мелкие предметы старого подмосковного быта висели на стенах в специальных витринах на фоне черного бархата (впоследствии коллекцию эту Шмаровин передал в Исторический музей). Здесь же на столиках красовались вазы, расписанные членами «Среды», фарфоровая посуда, коробки, ложки, связанные веером, и настоящие веера, тоже расписные. Эту комнату называли музеем «Среды». Но было у нее и другое название — «мертвецкая». Случалось,

что ужин затягивался и те, кому далеко добираться домой, оставались ночевать у Шмаровина, располагаясь в этой комнате. После хорошего вечера низкие широкие мягкие диваны служили удобной постелью, словом, спали в ней очень крепко — и потому прозвали «мертвецкой».

Съезжаться начинали с десяти. Вместе с художниками приходила часть гостей, главным образом любители, они просиживали вечера целиком. Из трех часов, посвященных «Средой» труду, выделялось время для работы с натурой. К письменному постановлению, заменяющему устав, в первые же годы внесли дополнение: «...Работать с натурой каждую среду, а хлопоты по этому возложить на членов-исполнителей». Далее следовали подписи: Н. Богатов, В. Шмаровин, А. Степанов, Ф. Бурхард, С. Ягужинский, А. Сильверсван, С. Голоушев, Н. Коваленко, А. Зарецкий, А. Курбатов, И. Левитан. Шли годы, менялся состав «Среды», но постановление это старались неукоснительно выполнять. Моделями служили чаще всего гости, а с появлением некоторого денежного фонда приглашали натурщиков.

После работы с натурой художники рисовали что хотели: жанровые сцены, пейзажи, интерьеры квартиры Шмаровиных; ставили натюрморты — вещей было много; рисовали животных, делали портретные наброски. Случалось, и ничего не рисовали, никто никогда за это не косился. Не хочется человеку рисовать — бывает, что ж, пусть пошутит, поиграет на рояле, если умеет, или развлечет дам и себя разговорами. Потом начинался ужин. Ему, как правило, предшествовала лотерея. Ее предложил создать Сер-

гей Ягужинский. Разыгрывались рисунки, акварели и другие работы, выполненные на «Среде». Ягужинский соорудил большую овальную коробку в виде бочки и нарисовал на ее боках лес. Клодт разбросал между деревьев рожи злых и добрых волшебников, а Степанов окружил их лисами, медведями и волками. В небольшое отверстие посередине проходила рука, туда опускали фишки — пустые и с выигрышными номерами (а с годами лотерея стала беспроигрышной), закрывали отверстие, и под беспорядочные звуки бубна коробка усиленно встряхивалась дежурным членом; он же тащил и фишки. Тишина ожидания сменялась пением гимна «Недурно пущено» или громким криком «Мимо!». Потерпевшему неудачу показывали коробку той стороной, где Клодт нарисовал озорную насмешливую рожу черта с руками, издевательски приставленными к носу. Лотерейные билеты, ценой в двадцать копеек каждый, охотно покупались гостями и самими художниками.

Перед ужином убирали рисунки, краски, весь рабочий инвентарь (он хранился в кабинете Шмаровина), столы накрывали скатертями и вносили самовар. Ужин бывал скромным, никаких разносолов. Колбаса от Белова, сыр и рыба от Норбатана, пирожки от Филиппова, иногда ставился бочонок с пивом товарищества Шаболовского. Бочонок красовался на расписанной художниками деревянной подставке. Разносолы и вино допускались по праздникам и в случае приема «Средой» дорогого и редкого гостя.

Этюды Бристоль

Однажды Владимир Егорович принес и положил посредине стола большой лист бумаги фирмы «Бристоль».

— Отбеленный картон, — сказал Егорьев и небрежно отодвинул его от себя, — не люблю, тяжело таскать на этюды.

— А я люблю, — ответил Ягужинский и акварельной кистью ловко набросал на бристоле небольшую церквушку, красиво и размашисто написав в левом углу: «Среда 4-ая 1892 года». Ефимов, который сидел рядом, нарисовал в другом углу дворняжку, тревожно лающую у забора. Аладжалов разбросал вокруг покосившиеся дома деревни, а Батурин долго и старательно трудился над елями, березами, осинами, пока не получился лес. Николай Клодт подрисовал к лесу опушку и пустил на густую, сочную траву стройных, красивых коней.

— Клодия, откуда здесь таким быть, работяги деревенские должны пастись, а у тебя рысаки серые в яблоках, — журил Богатов Николая Александро-

вича, пока тот рисовал. А едва Клодт кончил, сам с обеих сторон, недалеко от рысаков, усадил на траве вихрастых мальчишек, важно о чем-то рассуждавших. Лист бристоля пошел по рукам. Как всегда, шутили, смеялись, кто-то дорисовал к аладжаловской деревне корыто, из которого аппетитно обедали маленькие розовые поросята. На ефимовский забор Алексей Степанович Степанов посадил озорного кричащего петуха, а за забором появились куры. Когда по краям бристоля был заполнен рисунками, Иван Иванович Крылов по центру листа пустил беспокойную пенящуюся горную реку. Несколько камней-валунов легли у излучины реки, и Крылов отодвинул от себя лист бристоля.

Шмаровин радостно улыбался, разглядывая рисунки. Так сам собой, между шутками и разговорами был создан первый протокол «Среды». Протоколы «Среды» начались зимой 1892 года и кончились вместе с последней «Средой». Сохранились не все, но оставшиеся рассказывают немало.

Чаще всего листы бристоля заполнялись шуточными рисунками «кто во что горазд». Зашла речь на «Среде» об опере Глинки «Руслан и Людмила», о музыке, исполнителях. Но ведь говорят художники, поэтому речь доходит до декораций. Вспомнили голову, сделанную для оперы Шиловским, и голову, исполненную Вальцем, какой величины она, да какая шапка у нее.

— У кого это был шлем, у Шиловского или у Вальца? — спросил кто-то.

— Шлем, — слышит слово Гермашев. Он в разговоре почти не участвует, занят наброском зимнего

пейзажа. Отложил кисть: рядом еще чистый лист бристоля, и начинает рисовать на нем огромный шлем.

— В голове вальцевской помещался хор в сорок человек, — слышит Гермашев продолжение разговора.

— А я помещу сорок зайцев, — говорит Гермашев. И скоро из-под шлема выбегает на поле целая стая, один за другим зайцы. К Гермашеву подошел Клодт посмотреть, что он начал рисовать.

— Дай-ка теперь мне, — и, немного отступя, рисует крокодила. Огромная зубастая пасть встречает бегущих косых, один уже попал в нее и исчезает. Гермашев подписывает на туловище исчезающего зайца — «Н. Клодт». Тогда Клодт, поглядывая на художников, разбрасывает по бристолю еще несколько косых. Появляются заяц-Синцов, заяц-Егорьев, заяц-Ягужинский... протокол пошел по рукам. На «Среде» скульптор Николадзе — он рисует Кавказ. Но Клодт снова завладел протоколом:

— Надо продолжить, развить заячью тему, — говорит он, и скоро возникает заяц-виолончелист, как две капли похожий на постоянного гостя «Среды», виолончелиста Большого театра Оскара Федоровича Аспергера. Как всегда с некоторым опозданием, откуда-нибудь из редакций газет или журнала пришел на «Среду» писатель В. А. Гиляровский. Здесь его зовут «дядя Гиляй». Посмотрел на протокол, засмеялся и пишет на листе:

Вот прелестнейшая тема,
А поэзия-то страсть,

Мчатся зайцы из-под шлема
Крокодилу прямо в пасть.

Другой лист бристоля заполнен различными акварельными рисунками художников. Здесь и море, и ночь, и день... Взглянула на них поэтесса Мирра Лохвицкая и тут же написала на протоколе под рисунками свое стихотворение «Две красоты»:

Лазурный день. На фоне бирюзовом,
Как изумруд, блестит наряд ветвей,
И шепот их о счастье вечно новом,
О счастье жить — твердит душе моей.

Немая ночь. Рассыпанных над бездной
Мерцанье звезд в далекой вышине.
В груди тоска — и рвусь я в мир надзвездный,
Хочу уснуть и умереть во сне.

В гости к художникам пришел Н. Златовратский. Михаил Шестеркин держал в тот вечер лист бристоля у себя дольше всех, он рисовал на протоколе портрет Златовратского. Вокруг тоже появились рисунки художников, а ниже автограф Златовратского: «Сердечный привет свободному обществу свободных художников». Среда за средой собираются художники, рисуют, но не забывают и о протоколах, они становятся чем-то вроде календаря, страничками их жизни в рисунках.

Приходит в гости В. Брюсов, смотрит последний протокол, кто-то говорит ему:

— Сегодня, Валерий Яковлевич, рисовали «кто во что горазд», случайные рисунки, видите, и шарад на нем много, сами придумали.

И Валерий Яковлевич перед уходом пишет на протоколе стихотворение «Случай»:

В случайный миг, в случайный день,
Случайный стих... люблю я случай,
То ночью на могиле тень,
То в полусне призыв певучий,
Но тень скользнет, а зов замрет,
И снова холм с травой плакучей,
Угрюм и низок жизни свод
Любовь и счастье — только случай.

Гермашев почему-то изобразил боярина с огромным кулаком, к концу вечера появилась подпись под ним поэта «Среды» дяди Гиляя:

Хоть век ХХ — век иной,
Но в сердце места нет надежде,
Все пахнет той же стариной,
И все кулак такой, как прежде.

Но бывали протоколы и другие. В Москве впервые выступает танцовщица Айседора Дункан. Везде только и разговоров, что о ее танцах, о ее пластичности и о ее ногах. Дункан танцует босиком — для Москвы дело необычное. Не остаются спокойными к этой теме и художники на «Среде». Во всяком случае, один из протоколов целиком посвящен Дункан и ее танцам.

1909 год. Юбилей Гоголя. Газеты заполнены статьями о писателе, повсюду читаются доклады и лекции о Гоголе, переиздаются его книги, ставятся и возобновляются на сценах театров драматические произведения, готовятся к открытию памятника на Пречистенском бульваре (кстати, автор памятника скульптор Н. Андреев — тоже член «Среды»). Может ли пройти мимо этого «Среда»? Нет! Несколько протоколов посвящено Гоголю. На листах бристоля портреты писателя, рисунки гоголевских

мест, сюжетов — «Майская ночь», «Вий», Украина, степи, запорожцы.

1910 год был годом смерти Льва Николаевича Толстого. Одна из «сред» отмечена специальным протоколом его памяти. На нем рисунки: портрет писателя, вид на Ясную Поляну, иллюстрации к «Войне и миру», «Хозяину и работнику», к пьесе «Власть тьмы», к ней же стихи дяди Гилля:

В России две напасти:
Внизу — власть тьмы,
А наверху — тьма власти.

Протоколы «Среды», посвященные Чайковскому и Скрябину с гравюрными портретами работы Ивана Павлова. Протоколы к выставкам художников, протоколы, посвященные памяти членов «Среды» художникам Егорьеву, Синцову, Шестеркину, Ефимову.

Специальными протоколами отмечались и вечера чествований членов кружка. Интересными, шуточными бывали протоколы костюмированных вечеров или «сред» «великопостных», «масляничных», они заполнялись соответствующими рисунками и подписями к ним.

Или, скажем, последняя «среда» сезона. Ее тоже необходимо отметить протоколом. На улице весна. Художники расстаются до осени. Летом они разбредутся кто куда — на этюды, путешествовать, набираться новых впечатлений, смотреть музеи других стран, работы других художников. Чего-чего ни увидишь на таких протоколах — один едет на коне, другой на осле, третий взбирается в горы, четвертый путешествует где-то за границей, пятый вообще не-

понятно на чем идет, шаржи друг на друга так и летят из-под карандаша, а случаются и стихи:

Итак, до будущего года.
Мне в Чухлому, тебе в Севиль.
Меня давно уж ждет подвода,
Ну, а тебя автомобиль.

А на другом протоколе Сергей Ягужинский старательно и четко вывел акварелью слово «Среда». Ниже гравюра Ивана Павлова «Стена крепости», вокруг гравюры нарисовали раму — получилась картина, перед ней стоят двое богатовских детишек и рассматривают стены крепости. Еще ниже весенний пейзаж Нечаева; ледоход на реке рисует художник Константинов. Кто-то написал тут же, немного ниже:

Весна, все негой дышит,
Лед по реке прошел,
И Константинов пишет
Весенний протокол.
Весны ход исполинский
«Среде» так по душе
Дал титул Ягужинский,
И Павлов дал клише.

«СРЕДА» развлекается

Широко пользовались на «Среде» возможностью повеселиться. Едва мелькал самый пустяковый предлог — гремело дружно, как гимн, «Не пропустить! Не пропустить радости!». И не пропускали. Веселились на рождество, Новый год, масленицу, вербное воскресенье и даже в великий пост.

Костюмированными бывали рождественские «среды». Их особенно любили. Выставки в Москве открывались обычно накануне рождества. Поэтому 24, 25, 26 декабря были для художников днями успехов и огорчений. И в том и в другом случае повеселиться не мешало. Главная забота перед рождественской «средой» — достаточное количество костюмов. Вдруг кто-нибудь из членов, гостей не сумеет себе приготовить или не успеет. Покупали маски из папье-маше и разрисовывали. Морда волка, медведя белого или бурого делалась неотразимо симпатичной под рукой Степанова, бывала и свирепой, но реже. Чудесные зайчата целыми выводками появлялись на рождественских «средах». Софья Петровна Кув-

шинникова предложила к каждой маске приделывать широкий и длинный, до самого пола, мешок из марли, выкрашенный в цвет зверя: лисы — в желтый, волка — в серый. Иногда по марле тоже проходила рука художника, костюмы получались удачными. Многие, придя в своем, меняли его на «средский». Нарядившись в маски зверей, ставили живые картины из сказок братьев Гримм. Иногда звери заменялись масками героев русской сказки, персонажей классической литературы, цветов, героев, русской и французской истории — их делали художники сами, и снова разыгрывались живые картинки. Тому, кто правильно угадывал, полагалась от «Среды» премия — ее торжественно вручал под звуки бубна «Медведь» «Среды»; в разное время им бывали и Степанов, и Богатов, и Иван Малютин да и многие другие художники. Подарками обычно служила расписанная на «Среде» вещь: деревянная ложка, коробка, тарелка, блюдо, бубен, палитра. Бывали костюмированные вечера и тематическими. Скажем, казацкие, когда весь состав «Среды» превращался в казаков и казачек; или вечер кавказского джигита. Устраивали на «Среде» вечера, посвященные выставкам — периодической или Московского товарищества художников. На них воспроизводились сюжеты картин, группировки художников, вернисажи, вечера в Обществе любителей художеств по случаю открытия очередной выставки или объявленного конкурса. Именно о костюмированных вечерах «Среды» сказал как-то дядя Гиляй:

Шум, маски, пенье, разговоры,
Веселье, пляски и огни.

Как будто рай земной в ту пору
«Среде» приходится сродни.

Любили на «Среде» елки. Большую зеленую елку привозили на Молчановку, устанавливали в зале и не украшали до прихода художников. Каждый из членов «Среды» и гостей приносил что-нибудь от себя — конфеты, плитки шоколада от Эйнема, Абрикосова, огромные кренделя, пирожки и связки сушек от Филиппова, бутылки вина — их оказывалось по случаю елки в достаточном количестве, попадались и смирновские. Все это торжественно водружалось на елку. На ней можно было увидеть целые головки сыра от Чичкина и Бландова — их развешивали друг против друга (как размещались магазины этих соперничающих фирм: стоило Чичкину открыть где-нибудь в малолюдном переулке отделение, как сейчас же напротив открывал свое Бландов). Украшали елку колбасы от Белова и сосиски от Генералова, попадались и окорока, а раз повесили даже целого зажаренного поросенка. Долго пристраивал его на самой толстой ветке Синцов, поросенок никак не хотел держаться. Решили впредь такие игрушки на елку не приносить. Когда елка была готова, украшение разыгрывалось в лотерею и под звон бубна возвращалось на стол.

После трапезы начинались танцы и вручение подарков — их тоже разыгрывали в лотерею. Подарки на елке «Среды» делались по принципу — не пропустить случая посмеяться. Можно было получить дюжину тарелок, расписанных художниками, или старую калошу, балалайку, расписанную Шестеркиным и Симовым, или жареного карася, карика-

туру Клодта «Декадент» или бутылку касторки от Ферейна, веер с рисунками Ягужинского или коробку с ящерицами, купленными в зоологическом магазине, фарфоровое блюдо с пейзажами Степанова, Петровичева или селедку, карикатуру Ивана Малютина или огромный сверток («Уж не теленок ли в нем?» — шутит Богатов; долго разворачивают пакет, бумаги на столе целый ворох, а все еще снимаются листы — наконец, маленькая коробочка, открыли, а там одна конфетка или еще какой-нибудь пустяк. Ничего не поделаешь — лотерея!).

Следующая «среда» елочная — членов кружка просили «принести детские музыкальные инструменты и запастись хорошим расположением духа». Оркестр из детских инструментов вступал в строй с десяти часов, он встречал гостей к немалому их удивлению.

— Что это за звуки? — спрашивали Шмаровина в прихожей гости, раздеваясь. А когда узнавали, а главное, видели, как взрослые люди усердно и старательно дудят в детские дудочки, играют на крохотных гуслях, ксилофонах и барабанах — хорошее расположение духа увеличивалось.

Известный газетный фельетонист того времени Р. Меч как-то написал о елке «Среды»:

Ждут крупных результатов
На елке у «Среды».
Сидит в чалме Богатов,
Весь погружен в труды.
Он отдыха не знает
И с самого утра
Подарки принимает,
Вручает номера.

На свехвеселом фоне
Художники снуют.
В серебряной короне
Шмаровин тут как тут...
Шум, крики слева, справа,
Художникам простор:
Туржанский, Гугунава,
Малютин и Моор.
Обилие мотивов,
Недюжинный размах.
Красив наш милый Дивов
В рубахе и в лаптях!
Причудливые маски,
Картонные носы
Невольню тянут к пляске;
Бегут, бегут часы...
Средь постоянных членов
Шмаровинской «Среды»
Сидит профессор Членов,
Забыв свои труды.
Спешат к подарков горке,
Не насмотреться всласть,
А Ряжский там в обжорке
Свою являет власть,
То тенором, то басом
Стремится взять успех
И водкою и квасом
Он угощает всех...
Да, весело на елке,
Не в грезах, наяву,
Об этой елке толки
Пойдут на всю Москву.
И весело и бурно,
И дружная семья.
Ну, словом, все недурно
Здесь пушено, друзья!

Как-то «Среда» устроила елку в Обществе любителей художеств. Иван Малютин и Дмитрий Моор

написали огромное панно, которым затянули все окна. Панно изображало сцены из жизни русской праздничной деревни зимой. Катанье с горок, ряженые толпами ходят по избам, занесенным снегом. А рядом лихие тройки с колокольчиками и расписными дугами мчатся по полям и селам. Игры в снежные городки, озорные, задорные лица молодых парней, участников кулачных боев, рождественские гаданья. Посредине зала елка, на этот раз заранее убранная игрушками. Готовила их «Среда» не один вечер. В зелени еловых веток горели разноцветные деревянные ложки, скалки, чашки, миски, коробки, деревянные братины, матрешки, прясла, небольшие глиняные кувшины, тарелки, жбаны — все расписано художниками «Среды». Игрушки эти с елки в продолжение вечера разыгрывались в лотерею как памятные подарки. Соседний зал был сервирован в стиле русского кружала. Самовары блестели начищенной медью, в больших и маленьких братинах разносили мед, у открытого буфета лежали горы баранок, краюхи свежего, пахнущего русской печкой ржаного хлеба, стояли крынки с квасом, молоком и сливками; был даже сбитень, окорока, моченые яблоки, соленые грибы и другие русские разносолы.

Ну, а если подходящего праздника не было, его придумывали.

Устраивались, например, «среды» обжорные. Они объявлялись заранее. Случалось, тема обжорства задавалась. «Среда» мясная, рыбная, мучная, ягодная — в этих случаях каждый должен был принести свое мясное блюдо, рыбное, мучное или ягодное. Если же «среда» проходила без опреде-

ленных заданий — приносили кто что мог или хотел, но, конечно, изощрялись в изобретениях. Особенно отличались художник Синцов и адвокат Ряжский, постоянный участник «сред» и большой любитель живописи. Синцов принес однажды клетку, составленную из батонов, посередине клетки висела баранка, а на ней жареная тетерка в перьях жар-птицы, сделанных самим Синцовым. Ряжский в кулинарии был непревзойден, он собирал и составлял сам рецепты различных блюд, записывал их.

Видел я архив обжоры,
Он рецепты вкусно жрать
От Москвы и до Ижоры
За сто лет сумел собрать... —

написал однажды Ряжскому на одной из обжорных «сред» после чтения его рецептов Гиляровский.

Самыми веселыми и любимыми были «среды» великопостные. Великим постом на «средах» собиралось особенно много артистов. Театральные представления во время поста были запрещены, и развлекаться приходили на «среды». О том, что шел великий пост, напоминало здесь только меню ужина — вегетарианское.

Владимир Егорович накануне ездил на грибной рынок, который великим постом бывал особенно богат, и делал для «Среды» закупки. Не ленился побывать на всех московских рынках, чтобы найти редьку величиной с арбуз, и находил. Она водружалась на блюдо, специально по этому случаю расписанное. Если покупались рыжики — так самые маленькие, моченые яблоки — чтоб без единого пятнышка, кочанная капуста — редкого засола,

перед подачей на стол ей придавали форму распустившегося розана; этим занимался Ряжский. Он превращал стол в натюрморт.

В великопостную «среду» много и охотно танцевали, уступая место только художнику Ивану Гугунаве, замечательно танцевавшему лезгинку.

Специально оформлялись масленичные «среды». Ниша в зале шмаровинского дома превращалась в часть русской избы с русской печкой. Чего-чего не было около этой печки: ухваты, жбаны, горшки, кувкины, квашни, шайки, ушаты, бадейки — все разных размеров и расписанные художниками «Среды». В печке и под ней лежали дрова, около стояла большая миска с опарой, готовой вот-вот уплыть, тут же солома для растопки, а на лежанке — картонные кошки и настоящие подшитые валенки. Все обдумывалось до мелочей. Венера Милосская по случаю масленицы одевалась в русский костюм, у нее появлялись соломенные косы и великолепный кокошник. Ко всему убранству добавлялись блины двух сортов: к ужину — настоящие, а до ужина гостей и членов кружка встречали бутафорские. По всей нише бордюром развешивались разных размеров и тематики блины. Портретные блины:

Их имена не сгинут в Лете,
Им назначения другие суждены:
Решить, портреты ли украсили блины,
Или блины украсили портреты... —

записано было на протоколе одной из масленичных «сред». А на другой появлялись блины-орнаменты — на бумажный блин наносился художниками орнамент русский, украинский, армянский, пер-

сидский, индейский. Блины «кто во что горазд» — здесь допускалась любая выдумка художника. Бывали и блины-мясоеды, эта «средская» выдумка, к старомосковскому быту не имела отношения: на одном блине изображалась корова, на другом — теленок, куры, тетерки, куропатки. «Первый блин комом» — в этом случае каждый художник должен был припомнить свою первую картину, рисунок и воспроизвести на бумажном блине. Большим успехом пользовались блины пейзажные, меньшим — жанровые. В конце каждого масленичного вечера блины эти разыгрывались в лотерею между членами и гостями «Среды».

Сколько лет звучал на «средах» гимн «Недурно пущено». Почему бы не устроить одну из «сред» под таким названием? И устроили. Она проходила в Обществе любителей художеств в самом начале масленицы. Огромная русская печь занимала центральное место в зале. В ее пасти и разыгрывалась вся сценическая часть этой «среды». Программу представления озаглавили «Пещное действо». Состояла она из самых разнообразных номеров. Балалаечный оркестр, шуточная сцена «Черти в печке», сочиненная и разыгранная членами кружка... Появлялся в печке и популярный тогда фокусник А. И. Демерз — его называли «королем таинственных явлений». Известный балалаечник Доброхотов, сидя в пламени, устроенном Николаем Клодтом, играл по заказу гостей и членов «Среды» соло на балалайке. Венцом всех выступлений было совершенно неожиданное появление слепого лирника — Шмаровина и его поводыря с гусями — Моора. Их песни, груст-



Группа художников на «Среде». Фотография. 1900-е гг.



Гимн «Среды».



Е. Г. Соколов. Шарж на
Ф. К. Бурхарда.

С. А. Виноградов.
Портрет С. А. Полякова.



Протокол «Среды». Столетие
Отечественной войны 1812 года.





М. И. Шестеркин. Портрет Н. А. Клодта



А. С. Степанов. Портрет Н. А. Клодта с собакой.



А. С. Степанов. Портрет В. Е. Шмаровина.



К. А. Коровин. Портрет М. Х. Аладжалова.



Е. Г. Соколов. Шарж на М. А. Волошина.

Н. А. Клодт. Портрет
О. Ф. Аспергера.



Н. А. Клодт. Автошарж.



Н. А. Клодт. Портрет
А. С. Степанова с соба-
кой.



Н. А. Клодт. Портрет
Н. А. Богатова.

ные и веселые, по настойчивому требованию слушателей повторялись не один раз.

В тот момент, когда все считали «среду» уже оконченной, пламя в печке стало вдруг ярче полыхать и из огня под звуки бубна выскочили два маленьких поваренка в белых колпаках и фартуках с подносами в руках, на которых стояли тарелки с блинами, настоящими русскими, ситными блинами со сметаной. Вся остальная приправа: рыба различных сортов, семга, лососина, сельдь иваси, зернистая и паюсная икра и даже вобла для любителей — все это было изображено на тарелках художниками, специально накануне расписанных и обожженных с тем, чтобы гости могли унести их как память, как подарок «Среды».

В большом ходу на «средах» были перед устройством развлекательных вечеров подписные листы «с миру по нитке». Они давали некоторую сумму денег, позволявшую провести тот или иной вечер более расточительно. Широко использовала «Среда» подписной лист в 1899 году, когда решила устроить с благотворительной целью бал в залах Российского благородного собрания.

Несколько «сред» с увлечением обсуждали проекты его устройства, набрасывали программы. Наконец, 13 декабря 1898 года в газете «Новости дня» появилась заметка: «В залах Благородного собрания устраивается в высшей степени оригинальный и интересный костюмированный бал московских художников. Художники будут черпать темы для декораций и убранства помещений из русской старины — ее

волшебных сказок, легенд и былин... За более удачные костюмы будут присуждаться премии».

Во что только ни превращались залы Российского собрания на бумаге, пока шло обсуждение декорирования бала! Открытый зев сказочного животного, лежащего среди огромных листьев папоротника, солнечная Ялта, заставы богатырей на конях со стягами, на которых написана программа бала. Царство мороза и былинный корабль Садко сменяли «морское дно» с диковинными водорослями и «прочей морской гадостью», как говорил Клодт. Заколдованное царство и чертог русалок предложил Виктор Симов, зал китайских и японских вееров — Николай Егорьев. Нескоро пришли к окончательному решению, но когда пришли — хлопот только увеличилось. Покупали на призы ширмы и чашки, в Знаменской мануфактуре ткани, их потребовалось немало для шатров, костюмов и декорирования; ездили к Мюру и Мерилизу за коврами напрокат. У Агафьева брали скульптурные бутафорские украшения, у Полякова — цветы, у Доммана — зелень и листья. На «средах» перед балом художники сидели не разгибаясь, расписывая, разрисовывая, делая эскизы. Казначей «Среды» Медведев разбирался в куче счетов из различных магазинов и сокрушенно вздыхал. Словом, все было так, как сказал о тех временах дядя Гиляй:

Кругом афиши и счета,
А в нашей кассе — нищета.

В освещенные залы Российского благородного собрания в феврале 1899 года были перенесены степь

с курганами, беркутами и каменными бабами, внутренность шатра со щитами и мечами на стенах. Ягужинский превратил один из залов в зимний лес с елями, покрытыми снегом, и удивительными сосульками на ветвях. Синцов был автором сказочного леса, в котором Мартен разбросал им самим сделанные грибы — белые, подосиновики и мухоморы. Екатерининский зал называли залом Искусства. В нем поставили два киоска: «Живопись» (его сделал Н. Завьялов в виде картины в раме) и «Скульптура», который С. Волнухин представил фантастической картонажной статуей. В киосках продавали рисунки, акварели, этюды маслом и деревянные вещи, расписанные на «Среде». Для премий приготовили дюжину фарфоровых чашек, над ними старались двенадцать художников «Среды», ширму для дамского будуара и мужского кабинета, папку с оригинальными рисунками членов «Среды», веера, палитру и мольберт. Жюри, состоящее из Б. Корсова, Е. Лешковской, В. Немировича-Данченко, А. Сумбатова-Южина, К. Станиславского, В. Сизова и В. Симова, первую премию присудило костюму маленькой китаяночки, сделанному художником Н. Егорьевым.

Получили премии и те, кто их совсем не ожидал. Под утро довольные и утомленные гости выходили из залов на улицу, на свежесть февральского мороза. И тут членов «Среды» и гостей-художников, бывших на балу, ожидала премия в виде извозчиков. Легко и быстро отвозили они художников домой по утренней, едва просыпавшейся Москве.

Звуки-муки, звуки-радости

Музыку в «Среде» чтили, ей поклонялись, перед нею благоговели, но и здесь не упускали возможности пошутить, посмеяться. Чего стоил один оркестр «чертовых скрипок» — постоянная музыка «Среды». Оркестр состоял из самых разных и по возможности старых струнных инструментов, которые Владимир Егорович покупал на Сухаревке: кобза и балалайка, гитара и бандура, домбра басистая и малая домбришка, грузинский пандури и мандолины, лютни, даже лиры с цимбалами и гусли звончатые. Удовольствия оркестр доставлял художникам немало и столько же удивления гостям. Обычно звучал он на костюмированных вечерах «Среды», ее юбилеях; случалось — и в обычные рисовальные вечера, когда хотелось поразвлечься. И хорошо, если игра его была слаженна и звучал какой-то определенный мотив, но играли и «кто во что горазд», и даже чаще именно так — на то и «чертовы скрипки».

Время от времени появлялись и другие музыкальные развлечения.

— Друзья, а не кажется ли вам, что «чертовы скрипки» пора подновить, наконец, просто дать им отдохнуть? — скажет кто-нибудь из художников (чаще других к этому вопросу обращался Синцов). — Все струны, струны, нет разнообразия, пора придумать что-нибудь.

Начинали придумывать, и спустя некоторое время на одной из «сред» гостей встречал оркестр «барабанов-великанов». В Москве разыскивали два-три самых больших барабана, брали их напрокат, а затем встречали гостей, а то и членов «Среды», выбивая мелодии маршей, русских песен, плясок. В следующий раз появлялся самодельный ансамбль гитаристов, балалаечников; охотно играли на гребенках. Или вдруг Синцов командовал:

— Превратим губы в трубы, — и все старательно выдували нужные мелодии, играл оркестр «труб из губ» (бывали на «средах» и такие). Случалось, гремели и литавры, да так оглушительно, что собирали около шмаровинского дома народ, особенно если дело было к весне.

А художники веселились. Они называли эти оркестры «звуки-муки». Сколько было нарисовано затем и подарено настоящим музыкантам шаржей на доморощенных оркестрантов «Среды».

Но звучала здесь и серьезная музыка, ее любили, ждали и называли «звуками радости».

Художникам пела Мария Николаевна Клементова-Муромцева, первая исполнительница Татьяны в опере Чайковского в Москве. Клементовой-Муромцевой аккомпанировал обычно композитор Арсений Николаевич Корещенко, преклонявшийся перед ее

талантом. На «средах» он бывал довольно часто, и обязательно, если приезжала певица. В дни, когда Мария Николаевна по средам не была занята в Большом, за ней посылали извозчика. Любили слушать Марию Николаевну на «Среде». Благоговейное молчание — безмолвная, но огромная благодарность певице, которую с удовольствием слушал сам Петр Ильич Чайковский.

Вдруг снова звуки рояля. Это играет Корещенко, играет либо Рубинштейна, которого очень любит, либо Рахманинова, случилось, и Скрябина, а то пьесы Шумана, Шопена. На «Среде» он проиграл на рояле все семь картин своей оперы «Ледяной дом» задолго до того, как она была принята к постановке в Большом театре.

Вероятно, все восемьдесят фортепьянных пьес Владимира Ивановича Ребикова за небольшим исключением прослушали на «Среде» в исполнении автора. Ребиков, композитор и пианист, обставлял свою игру особым образом. Непременным требованием его были свечи. Как только он собирался садиться за рояль, уносили сначала керосиновые лампы (позднее, когда появилось электричество, гасили его) и зажигали восковые свечи. Если кто-нибудь удивлялся, Ребиков полушутя, полусерьезно говорил:

— Как Рубинштейн. Он тоже любил играть в домашней обстановке при свечах, в этом мое единственное сходство с ним, но я это сходство свято соблюдаю.

Особенно вдохновенно играл Владимир Иванович, если случалось ему встретить на «Среде» Васи-

для Ивановича Сурикова. Как и великий художник, композитор был родом из Красноярска.

— Ужасная у меня судьба, вечное «тоже» преследует меня, — комически разводил Ребиков руками, — как Рубинштейн люблю играть при свечах; как Суриков родом из Красноярска. Везде «тоже», «тоже», — повторял он сокрушенно и садился за рояль. Начинать всегда со своих фортепьянных пьес, но звучали в его исполнении на «Среде» и Бетховен, и Лист, и Рубинштейн, и Чайковский, и многие другие композиторы в зависимости от настроения и желания.

Иногда на «Среде» играла флейта. Дивные звуки извлекал из нее солист Большого театра замечательный флейтист Василий Васильевич Леонов. В его исполнении слушали художники Баха, Моцарта и мотивы простых русских песен.

Творил чудеса на арфе Александр Иванович Слепушкин, солист Большого театра и профессор Московской консерватории. Он играл на арфе пьесы, написанные для рояля. Надо было обладать немалым мастерством, чтобы справиться с этой нелегкой задачей. Приезд Александра Ивановича всегда был приятным и желанным. Играл он много, охотно. Пожалуй, из всех музыкантов, бывших на «Среде», Слепушкин один никогда не оставался просто гостем, он обязательно играл. Дочь Шмаровина играла на арфе, и в доме было два великолепных инструмента, всегда настроенных и готовых к услугам музыкантов.

А вот Оскару Федоровичу Аспергеру, виолончелисту и солисту Большого театра, приходилось везти

виолончель с собой. Он не пропускал почти ни одной «Среды» с тех пор, как стал бывать на Молчановке. Встречи с художниками доставляли ему радость и удовольствие. Ни над кем на «Среде» не шутили так много, как над ним, но в этих шутках он чувствовал столько к себе любви и тепла, что не обижался, хотя иногда и грозил:

— О, — восклицал он, — теперь-то я больше сюда не приеду, чем я виноват, что почти лыс, зачем лысину больше меня рисовать, зачем, а, зачем?

Но приходила следующая «среда», и Аспергер снова появлялся со своей виолончелью. В исполнении Аспергера и пианистки С. Лентовской или Р. Шмаровиной звучали «Сомнение» Глинки, «Лебедь» Сен-Санса. Играл Аспергер и «Памяти великого артиста» Рахманинова.

Концерты Аспергера на «Среде» считались делом обычным, их любили, они стали необходимостью, но к ним, как и к Аспергеру, привыкли. А вот Сергей Кусевицкий с его контрабасом — дело другое.

— Владимир Егорович, скорее, — кричала из прихожей нянька Шмаровиных, — скорее, музыкант с большой музыкой едет.

На «среды» специально приходили, чтобы послушать самого Сергея Кусевицкого. Удивительно владел он этим инструментом, замечательным было исполнение его собственных сочинений для контрабаса, особенно вальсов.

Однажды, это было в феврале 1910 года, на «Среде» появились две сестры, стройные молодые девушки. Одна из них, чуть повыше, одетая в черную юбку и черную кофточку с белым воротничком, смот-

рела на всех с вниманием и сдержанным любопытством. Она побывала в «мертвецкой», посидела на турецких диванах, изучала археологическую коллекцию Шмаровина, посмотрела папки с рисунками, лежащие на столах, заглянула в протоколы «Среды», но самый большой, нескрываемый восторг вызывал у нее музей «Среды» — деревянная посуда, расписанная в русском стиле. Опять и опять возвращалась она к шкафам и полкам, где стояли яркие цветистые чашки, квашни, плошки, солонки, расписные лари и ларчики, пасхальные яйца.

— Откуда она, кто?

— Терпение, узнаете, скоро узнаете.

Перед самым ужином приехали три гитариста, и едва художники уложили свои инструменты, как гитаристы по знаку девушек и сопровождавшего их господина (он оказался их дядей) взяли первые аккорды. Терпение было оправдано вполне, любопытство удовлетворено. Девушки пели сначала вместе со своим дядей трио, затем дуэты, и наконец та, которая так увлеченно рассматривала «средскую» расписную посуду, запела одна. Это была Надежда Андреевна Обухова, еще совсем юная певица.

Маленькая газетная заметка «У художников» на другой день скромно сообщала: «На последнем вечере кружка «Среда», затянувшемся далеко за полночь, пели прелестные дуэты сестры N с аккомпанементом трех гитар...» Не много могли узнать читатели, а вот художники и гости, бывшие в тот день на «Среде», познакомились с певицей, на долгие годы ставшей великой радостью и утешением многих.

Снова и снова просили художники Надежду Андреевну приехать к ним на «Среду». Она не приезжала, приходила. В те годы Надежда Андреевна жила рядом, на Собачьей площадке, приходила с дядей, управляющим конторой императорских театров С. Обуховым, одна с аккомпаниатором — гитаристом или пианистом — и пела. Пела то русские песни, случалось, и цыганские романсы, итальянские и испанские баркаролы, французские вальсы.

Из певцов бывали на «Среде» и радовали ее — баритон Частной оперы Н. Веков, замечательная певица из Оперы Зимина Е. Цветкова, певец С. Юдин, чудное меццо-сопрано М. Алексеева.

На одной из «сред» в 1916 году принимали Сергея Васильевича Рахманинова. Он приехал неожиданно и пробыл весь вечер, один из самых памятных в последние годы жизни «Среды».

Сергей Васильевич смотрел, как рисуют художники, кое-кто пытался сделать быстрые наброски портрета композитора. Вместе со всеми играл в лотерею и ничего не выиграл, а после ужина сел за рояль. Этого момента ждали, но никто не решался его приблизить: Рахманинов — гость, а гости на «Среде» делают что хотят. Так же шутили, переговаривались. И вдруг Рахманинов встал, подошел к «шалапинскому» роялю (был такой на «Среде»), открыл крышку, тронул клавиши. Рояль, как всегда, был отлично настроен. Художники слушали в тот вечер концерт Рахманинова.

Юбилей и выставку

Незаметно для «Среды» промчалось первое десятилетие. Первый юбилей! Решили событие это отметить. Оглянулись назад и выяснили: прошло примерно двести пятьдесят вечеров, принято около восьми тысяч гостей. А еще что?

В традицию превратилось участие кружка почти во всех благотворительных вечерах Москвы, они в те годы были обычным явлением. Заболел артист, тяжелая старость у художника или писателя, нужны деньги в сиротские приюты, в кассу взаимопомощи литераторов, студентов, курсисток, неурожай в Курской или Самарской губернии — надо помочь, а как? Устроить благотворительный вечер. Успех зависел от организаторов, но, как правило, результаты бывали хорошими. Для повышения сборов прибегали к маленьким хитростям: в киосках с цветами или шампанским продавщиц заменяли знаменитости музыкального или театрального мира, просто красивые женщины, на концерты приглашали знаменитых певцов, чтецов, устраивали лете-

реи, за билеты тоже платили гораздо выше установленной цены. «Среда» присылала на такие вечера работы из своего альбома. Деньги, вырученные за акварели, рисунки, расписные предметы быта, шли в пользу нуждающихся.

Нельзя было забывать и два года, проведенные вместе с Обществом искусства и литературы. Специальная папка «Среды» хранила адреса, выданные Обществом как благодарность за деятельность художников: оформление спектаклей, декорирование концертов и залов Общества, наконец, совместно устроенный бал.

Строгая бухгалтерия Владимира Егоровича привела к появлению небольшого денежного фонда. Он позволял, кроме ужинов, приобретения необходимых материалов для рисовальных вечеров и оплаты натуры, преподносить членам «Среды» небольшие подарки: Н. Завьялову — новый мольберт (старый сломался, и он связывал его веревкой), Н. Егорьеву — маленький этюдник (Николай Николаевич собирался ехать в Грецию, а этюдника, удобного для путешествия, не было). Набор великолепной английской акварели получил как-то С. Ягужинский, папки разных размеров для хранения рисунков — А. Киселев. Большие глиняные банки для кистей подарили И. Левитану. С. Голоушев получил письменный прибор: ведь на глазах «Среды» он превращался в художественного критика.

А разве не полезное дело альбом «Среды»? Интересно не только гостям, самим художникам взглянуть на работы, сделанные некоторое время назад. Конечно, и дома такие работы есть у каждого, и все

же из альбома «Среды» авторы иногда отбирали кое-что даже для выставок.

В первый юбилей, раскинув папки с работами, решили устроить что-то вроде отчетной выставки кружка. Однодневные выставки давно вошли в обычай. Их размещали в «мертвецкой». Из альбома «Среды» брали работы какого-нибудь художника, он мог по своему желанию добавить что-либо из сделанного вне «Среды». Такой показ был небезынтересен для художника. Однодневные выставки устраивали, возвратившись из летних поездок, но чаще делали их из работ, выполненных на «Среде».

Об общей выставке «Среды» впервые заговорили в связи с десятилетием. Заговорили и сделали. Правда, она была доступна только для внутреннего обозрения членов и гостей кружка. В зале, прямо поверх шмаровинского собрания, натянули холст и прикрепили к нему работы. Картина получилась интересная. Перед глазами висели этюды и наброски, акварели художников В. Сурикова, А. Саврасова, Л. Лагорио, И. Левитана, А. Левитана, К. Коровина, С. Иванова, С. Ягужинского, Н. Завьялова, Н. Клодта, А. Степанова, Ф. Бурхарда, Н. Егорьева и многих других художников. Словом, осмотрев домашнюю выставку, пришли к выводу — альбом «Среды» вполне может быть показан за пределами своих собраний.

— Шутили, шутили, — сказал Клодт, — рисовали, рисовали, сколько продано работ, а теперь, оказывается, еще и выставку устроить можно.

Рисунки, сделанные в вечер десятилетнего юбилея, пошли целиком в альбом «Среды» — это стало

традицией для юбилейных дней и памятных дат кружка.

Жетон, заказанный по рисунку Сергея Ягужинского в честь десятилетия, поблескивал в петличках художников и гостей, когда они танцевали на костюмированном вечере. Много веселья доставила в тот день лотерея, подарки и, главное, шаржи из жизни художников, вроде — «Прием в члены» или «Бой за стены». В первом случае имелся в виду прием в члены Товарищества передвижников, во втором — борьба за место на выставке.

Первая публичная выставка «Среды» проходила в Манеже. Тщательно отбирали вещи. Впрочем, это целиком возлагалось на авторов, они решали, что именно можно экспонировать. На выставке участвовали К. Высотский, В. Батулин, Д. Мартен, А. Синцов, С. Ягужинский, Н. Завьялов, А. Нечаев, В. Бакланов, Н. Клодт. С выставки продали работ на шестьсот двадцать рублей. Из этой суммы обычные двадцать процентов пошли в пользу «Среды», а остальные — авторам. Если учесть, что из фонда «Среды» было уплачено шестьдесят четыре рубля за помещение (каждое место выставки стоило два рубля), то получалось совсем неплохо.

Не успели пережить первую выставку, как получили приглашение участвовать на юбилейной выставке Императорского общества охоты. Чего-чего, а охотничьих сцен в альбоме «Среды» было сколько угодно.

— Высотский, где эту осень провел? — первый вопрос Ефимова на «Среде» в начале сезона.

— Побродил нынче всласть, — оживляется Вы-

сотский, — всю Мещеру облазил, уток настрелял тьму, не знал, куда девать, раздавал, — и долго рассказывал художник о своих охотничьих удачах.

Батурина утки не увлекали.

— Что утки, — скажет он, — вот тетерева и глухари еще интересно, а вообще-то настоящая охота в степи, за волком в угон. И коню раздолье и душе, скачи, обгоняй ветер.

— Нет, нет, — возражал Ефимов, — в угон на любителя. Хлестать волка нагайкой не по мне.

Мартен обычно слушал такие разговоры с улыбкой, он считал, что настоящий охотник любит всякую охоту, с ним не раз спорили об этом на «Среде», но напрасно. Мартен одну осень проводил на Кавказе, охотясь на туров с горцами, другую в лесах средней России, а то зимой вдруг неожиданно отправится на медведя.

Самым замечательным охотником считался Степанов.

— Не знаю, почему за мной укоренилась слава охотника, — недоуменно разводил Алексей Степанович руками.

— Батенька мой, не знает, — сердился Ефимов, — вся мастерская и квартира увешаны ружьями, патронташами, кинжалами. Чутьхватишься, где Степанов? — на охоте. Где Степочка? — отвечают, на охоте. А он не знает...

— Да вы не сердитесь, Александр Федорович, — миролюбиво поглядывал высокий Степанов на маленького Ефимова, — иногда утку убить, чтобы изжарить ее в печке русской, я не прочь, даже хорошо, но так охотиться, чтобы непременно деся-

ток уток вокруг пояса нанизать, вот как Высотский, и только тогда чувствовать себя счастливым — мне кажется лишнее, ненужное занятие. Походить да посмотреть, как тетерева токуют или как солнце поднимается и в лес проникает, увидеть, как лось бежит, волк сытый, взглянув на тебя, лениво свернет в кусты...

На выставку Императорского общества охоты дали тридцать одну картину. Были представлены все завязанные охотники, кроме Степанова, — его работы решили из альбома не выпускать. «Среде» за участие на выставке присудили бронзовую медаль, членам ее — Мартену и Батурину — серебряные, Высотскому — бронзовую.

Дожила «Среда» и до пятнадцати лет. Шел 1901 год.

— Пятнадцать лет, юбилейная дата, — зашумели художники.

— Надо вспомнить все прошлое кружка, сделать доклад.

— Может, ни к чему? Какие мы докладчики, вот порисовать, повеселиться — дело другое.

Но любители живописи были иного мнения. Они взяли этот труд на себя. Пятнадцатилетний юбилей «Среды» начался с доклада Брызгалова.

— Я напомнил вам, — заканчивал он краткую историю кружка, — только те характерные пункты из прожитого нами пятнадцатилетия, которые отчасти выходили за пределы нашей внутренней замкнутой семейной жизни, но они не составляли для нашего кружка «Среда» главной сущности, ибо сущность и устой наши — дружеские откровенней-

шие общения по дорогим нашему сердцу вопросам искусства.

Вслед за Брызгаловым встал дядя Гиляй и прочел стихи, написанные тут же, как всегда, экспромтом:

Сегодня здесь пред вами рад
Припомнить, как мы собирались,
Как наши «Среды» начинались
Пятнадцать лет тому назад.
Здесь кто приходит — друг и брат,
Царят здесь искренние чувства,
Нас породило здесь искусство
Пятнадцать лет тому назад.
И ты, Володя, старший брат,
И я, давно уж оба седы,
А любим, как любили «Среды»
Пятнадцать лет тому назад...

Юбилей отмечали на Дмитровке, в Литературно-художественном кружке: считали, что желающих невозможно будет вместить в шмаровинском доме. И верно, пришло девятьсот пятьдесят человек — для старой Москвы это было многолюдное собрание. Гости присоединились к пению гимна, хор получился мощный. Лишь поднятая рука дяди Володи остановила его. Тишина нужна была для исполнения приветственной кантаты. Слова и музыку написал композитор Ю. Померанцев. Артисты Большого театра и музыканты Консерватории под управлением автора пели «Среде»:

Слава вам, вещим баянам-поэтам,
Ваши слова разнесутся по свету,
Слава певцам, звонкострунным гусярам,

Слава художникам юным и старым,
Слава «Среде» — пусть звучит не смолкая,
Новые силы к себе привлекая...

После приветственных речей начался костюмированный вечер.

«Прибывшим на этот вечер дамам, — записал в книге отчетов по вечерам Шмаровин, — были розданы подарки от кружка в виде художественно разрисованных рамок для портретов».

В 1902 году «Среда» праздновала юбилей Гоголя. В назначенный день скульптор Андреев внес в зал бюст писателя своей работы.

— Дядя Володя, — сказал он, — мой подарок тебе за все вечера, веселые и шумные, в твоём доме.

Андрееву, как повелось у «Среды», спели «Недурно пущено», а бюст присоединили к гоголевской выставке. Зал был соответствующим образом декорирован. Стены его превратились в Украину. Хутор Диканька, Миргород, Сорочинцы; на гостей, лукаво улыбаясь, смотрели герои гоголевских повестей. Была даже Красная свитка — в нее обрядили Гугунаву, и он с удовольствием проказил, как и полагается Красной свитке. Звучали в этот день отрывки из опер Мусоргского и Чайковского «Сорочинская ярмарка», «Черевички».

Художники занимались гоголевскими протоколами. Их сделали в тот вечер несколько, и настолько удачно, интересно, что бывший в гостях у «Среды» исследователь гоголевской биографии секретарь Общества любителей русской словесности профессор В. Шенрок попросил разрешения показать их на юбилейной выставке писателя в залах

Исторического музея. Юбилейные дни Гоголя «Среда» отметила еще выставкой в пятой мужской гимназии, где экспонировала рисунки и акварели, иллюстрации к произведениям Гоголя, его портреты.

В 1903 году была выставка-распродажа в пользу московских детских приютов. Отобранные из альбома «Среды» работы художников Нечаева, Завьялова, Синцова, Гермашева, Е. Соколова, Ягужинского, Шестеркина, Гугунавы, Бакланова, Константинова, Егорьева назад не вернулись, распроданные все до одной.

В 1904 году «Среда» приняла участие вместе со всеми художественными организациями Москвы на выставке в пользу санитарных отрядов на Дальнем Востоке. Так как члены кружка выступали со своими картинами от Союза русских художников, Московского товарищества и других организаций, поэтому от «Среды» решили дать расписанные глиняные, деревянные и фарфоровые изделия, имевшие неизменный успех. Выставка-аукцион состоялась в «Метрополе». Отдел «Среды» распродал своих вещей на шестьсот один рубль тринадцать копеек. Без всяких отчислений деньги пошли на Дальний Восток.

Вот и все, что было примечательно в жизни «Среды» за последние пять лет перед ее двадцатилетием. События 1905 года временно прекратили собрания на Молчановке. Было не до развлечений. Сезон «Среды» вообще начался только 1 февраля 1906 года. Двадцатилетие не отмечалось — просто небольшой вечер внутри обычных собраний.

А вот двадцатипятилетний юбилей, в 1911 году, прошел шумно.

В залах Литературно-художественного кружка открылась выставка. Все гостиные второго этажа заняли под экспозицию. За двадцать пять лет в альбоме кружка оказалось почти пять тысяч разнообразных художественных произведений — выбрать было из чего.

«Выставка рисунков, акварелей и набросков, исполненных на художественных вечерах «Среда» — так называлась памятка, выпущенная к двадцатипятилетию «Среды» с небольшой статьей С. Голоушева — краткой историей возникновения и жизни кружка.

Открытие выставки превратилось в праздник. Москвичи шли смотреть «Среду».

На втором этаже к началу вернисажа собралось немало народа: сами художники — члены «Среды», их близкие и знакомые, бывшие члены кружка. Гостиные были заполнены народом. Слышались удивленные возгласы:

— Смотрите, какой Левитан, совсем неизвестный!

Этюды Коровина, рисунки Голубкиной, Суреньянца, дальше Степанов, Петров-Водкин, Туржанский, Николай Клодт, Симов, Гермашев, Рачков, Шестеркин, Петровичев, Первухин, Переплетчиков, Сергей Иванов, Владимир и Евгений Соколовы, Струнников — всех слишком долго пришлось бы перечислять.

«Идешь по выставке, — писал художественный критик «Иллюстрированного обозрения» (1911,

№ 59), — и смотрят на тебя вечерние зимние сумерки в деревне, березки, снегом занесенные, лесные болота и хмурое небо над ними, крестьянские ребята ловят рыбу в тихой заводи, угрюмые и одинокие сосны качают вершинами и стонут, лесная избушка ярко горит в ласковых лучах солнца, багряный осенний закат дробится в льдинах реки, а рядом тянутся журавли к югу, плот змеится по реке, околицы оживлены воробьями, церковка белеет вдали... вьется широкая степная дорога, окруженная старым жнивьем или волнами ржи».

«То, что кажется веселым, остроумным в тесном кругу людей, связанных давним знакомством, имеющих общие воспоминания, не только в области крупных событий, но и в сфере житейских мелочей, только в исключительных случаях приобретает интерес общечеловеческий... — писал другой критик в журнале «Зеркало» (1911, № 12). — Происхождение тех рисунков, этюдов, карикатур и прочего материала, из которого составила выставка «Среды», имеет такой же оригинальный характер... А ведь на «Среде» было просто весело: шли разговоры на всевозможные темы и так же на всевозможные темы рисовали и писали присутствующие художники... Все эти миниатюры... А между тем в этих мелочах много непринужденности, свободной творческой фантазии».

Юбилей праздновали в «Славянском базаре» 2 марта 1911 года.хлопот было достаточно. Все рисовальные часы и даже время после ужина шло на юбилейные приготовления. Рисовали программы, украшали пригласительные билеты, отбирали ра-

боты для выставки — дела набегали одно на другое, и казалось, конца им не будет. Вечер устроили по подписке. В ней участвовали М. Аладжалов, О. Аспергер, А. Архипов, В. Брюсов, А. Бахрушин, А. Вишневский, С. Волнухин, С. Голоушев, К. Юон, К. Коровин, А. Корин, С. Кусевицкий, А. Левитан, В. Мешков, С. Обухов, Н. Обухова, В. Переплетчиков, Л. Пастернак, В. Суриков, В. Симов, А. Степанов, А. Южин, А. Яблочкина, В. Пчелин и другие деятели искусства того времени.

Собрание проходило в «Русской палате» «Славянского базара». Все экспонаты, не показанные в Литературно-художественном кружке, дополняли собою убранство помещения. Вдоль стен протоколы «Среды», расписанная на вечерах утварь — лари, кувшины, тарелки, чашки; все декорировано тканями в русском стиле.

Много сказали «Среде» в «Славянском базаре» теплых слов, много было снето, сыграно, прочитано — гости-то какие собрались! Аспергер с виолончелью, Кусевицкий с контрабасом, Обухова Надежда Андреевна, Южин, Яблочкина. К общему сожалению не мог быть Шаляпин, занятый в спектаклях на гастролях. Предложение Богатова послать Шаляпину приветствие от «Среды» бурно одобрили.

Южин читал телеграммы «Среде». Кроме личных поздравлений, «Среду» приветствовали: Петербургское общество художников, Общество преподавателей графического искусства, Московское археологическое общество и другие художественные организации.

После пения, музыки, шуток и приветствий из «Русской палаты» гости спустились в нижнюю залу «Славянского базара», где их ожидали накрытые для ужина столы. У каждого прибора меню, оформленное Е. Соколовым. Первое, что читается на нем — «Среда XXV», и далее программа предстоящего ужина: «Вина: 1. Совсем чистое: гореловка, брыкаловка, сногшибаловка. 2. Помутней: настойки нитовка, сургучная, трынтравная марганцевая на зеленом горошке. 3. С подкраской на манер наливки: «Шмаровка», настоянная на Молчановке, «декадентская» на разных валетах, аукционная на непроданных этюдах. 4. Ренское виноградное, а может и так, двух колеров с прикисью. Собственных садов «Среды». На берегу моря житейского для женского пола, особо сладкое с изюмом. Закуски: Колбасы: жеваная, дегтярная, трафаретная, собачья радость, черепаховая, пятки пилигрима, медвежье ушко с жирком, морковные разварные молодые клыки; Рыбы: лабардан с присолью и копотью, вроде лабардана, сама пила, китовые поплавки в нефти, сыр-вор, сыр дарья, слезогон дырявый. Ужин: 1. рыбное на всех парах без головизны, 2. телеса птичьи тяпаные на кости, приправа «недурно пущено», холодец сладимый, разноколерный...»

В связи с двадцатипятилетним юбилеем «Среда» внесла в кассу Училища живописи, ваяния и зодчества тысячу рублей, процент от которых предназначался на стипендию беднейшему ученику училища. Деньги, вырученные от продажи работ с юбилейной выставки в Литературно-художественном кружке, присоединили к этой сумме с тем, чтобы

на них могли жить в период летних этюдных работ три ученика Училища живописи.

После юбилея «Среды», отмеченного не только друзьями, но и прессой, кружку предложили перейти на официальное положение и принять печатный устав. Никакие отговорки Шмаровина на этот раз не помогли:

— Представляйте проект и платите гербовый сбор, — сказали в Московской городской управе.

Сели за устав. Больше всех исписал бумаги Сергей Сергеевич Голоушев. Правила его, правил он. Читали вслух и про себя, вносили добавления и исправления, спорили и даже ссорились.

С 20 февраля 1912 года у «Среды» появился устав. «Кружок ставит своей целью, — было записано первым параграфом, — содействие процветанию и распространению чистого и прикладного искусства и сближению художников с любителями». Затем следовали пункты о средствах достижения цели: собрания, чтения, выставки, лекции по искусству; пункты о членстве, управлении делами, о денежных фондах кружка. В марте этого же, 1912 года вышла маленькая книжечка, напечатанная в типографии В. И. Воронова в Москве, на Моховой, — «Устав художественного кружка «Среда».

— Двадцать пять лет понадобилось, чтобы вы поняли: не просто «Среда» — а художественный кружок «Среда», — волновался Голоушев, потрясая в воздухе печатным уставом. Кто-кто, а он был доволен. Художники пели «Недурно пущено», а Богатов повторял:

— Дурно, дурно, очень дурно, — и сердито хло-

пал печатью «Среды» на всех попадающих под руку бумажках. Печать получили вместе с уставом.

В 1914 году, когда началась первая мировая война, «Среда» устроила выставку в пользу Иверской общины сестер милосердия. Организацию и хлопоты по ней взял на себя член «Среды» художник Иван Калмыков. К «Среде» присоединились, прислав свои работы, А. Корин, В. Поленов, А. Ясинский, В. Суриков, В. Бялыницкий-Бируля и другие. От «Среды», не считая рисунков и акварелей из ее альбома, было сто пятьдесят художественных изделий. Выставка размещалась в залах «Метрополя». Под каждой работой на этикетке висела цена, но платили в полтора-два раза больше. В день аукциона народа собралось много, молоток стучал не переставая, все представленное «Средой» было раскуплено.

1914 и 1915 годы «Среда» кочевала из помещения в помещение. Изгнание было добровольным, но не очень приятным. «Среда» устроила в зале шмаровинского дома лазарет — содержала на свой счет шесть коек для раненых. Они жили, лечились, одни выздоравливали и уходили, их место занимали другие, а «Среда» не прекращала вечеров: снимала себе помещение короткое время в «Славянском базаре», а затем воспользовалась приглашением Общества любителей художеств и заняла один из его залов.

Здесь «Среда» тоже содержала три койки раненых. Интересно раздобыли на это деньги. Иван Малютин нарисовал огромный плакат-карикатуру на гравера Ивана Павлова. Оба они были членами

«Среды». Малютин изобразил Павлова Бахусом, сидящим на бочке с вином. Карикатура эта была сделана к тридцатилетнему юбилею гравера, который отмечался «Средой» в 1915 году в залах Общества любителей художеств. Малютинская карикатура имела огромный успех. В Общество приходили специально посмотреть на нее. Тогда кто-то посоветовал перевесить работу в один из нижних залов и брать за вход в него плату. Интерес был так велик, что скоро «Среда» получила возможность содержать еще три койки раненых.

В 1916 году отмечали тридцатилетие «Среды». К общей радости художники собрались снова в стенах шмаровинского дома, на Молчановке. Тридцать лет. И весело и грустно, особенно грустно, когда вспоминали тех, кто уже не мог прийти на «Среду». Почтили память своих товарищей.

Но грусть на «Среде» встречали неохотно, охотнее выпроваживали. Шипит и пенится шампанское, звенит бубен, произносятся тосты, говорятся спичи и, одобряя их, поют «Недурно пущено». Встает из-за дружеского стола Гиляровский и читает «Среде» свои стихи, подарок поэта к ее тридцатилетию.

Эх ты, матушка-голубушка «Среда».
Мы состарились, а ты все молода.
Тридцать лет прошло, как будто не бывало,
Тридцать лет тебе сегодня миновало.
Тот же самый разговор живой и смелый,
А родитель твой, хоть малость поседельный,
Да душа его, как прежде, молода,
Эх ты, матушка-голубушка «Среда».
На «среде» уж нынче водочки не пьют,
А «недурно пущено» поют.

После тридцатилетия еще год-два «среды» проходили довольно регулярно, а затем стали распадаться, хотя художники все же собирались на годовщины. Шмаровин, женившись вторично, переехал вместе с имуществом «Среды» на Большую Никитскую, в дом Полякова. Для протоколов заказали специальные шкафы, в них же хранилось собрание рисунков. Квартира Шмаровина на Никитской чем-то напоминала Савеловский переулок — наверное, своей теснотой.

На Никитской готовились художники к последней выставке «Среды». Ее разместили в Салоне искусств у Покровских ворот в доме Рахманова в 1918 году.

Октябрь 1918 года был холодным. В нетопленном доме Шмаровиных одетые в шубы художники готовили выставку «Среды», пересматривали альбом. С каждым сказанным словом изо рта вылетала струйка пара; а художники, подув на руки, брали следующие и следующие работы, вспоминали обстоятельства, при которых они были написаны.

В отборе принимал участие Цезарь Александрович Мюнстер, давний друг художников, организатор выставок. Времена трудные, а он надеется что-нибудь продать из работ художников и тем самым помочь им. Двадцать человек членов «Среды» принимали участие на этой выставке. Среди них И. Гугунава, Н. Дивов, Д. Моор, А. Кравченко, А. Нечаев, В. Соколов, С. Ягужинский, М. Шестеркин и другие художники. В альбоме «Среды» есть работы И. Левитана, В. Сурикова, К. Коровина, И. Репина — их работы было решено не продавать ни

при каких обстоятельствах: это история кружка. Тот, кто останется последним, должен передать весь инвентарь «Среды»: ее рисунки, акварели, этюды маслом — словом все, в Третьяковскую галерею.

Последняя выставка, открывшись в конце октября 1918 года, просуществовала до начала декабря. Первого декабря Шмаровин получил от Мюнстера письмо: «Сообщаю тебе грустную новость... помещение выставки реквизируют под футуристические выставки. В семь дней, то есть до седьмого декабря, я должен помещение освободить».

Тридцать пять лет «Среды» отметили тоже на Никитской. Иван Павлов выгравировал юбилейный лист: портрет Шмаровина, дом на Никитской, где последние годы жил Владимир Егорович, и кое-что из инвентаря «Среды» — кисти, палитру, даже бочку с пивом. Вокруг гравюры автографы тех, кто праздновал тридцать пять лет «Среды»: Л. Туржанский, П. Петровичев, Е. Соколов, Н. Богатов, В. Гиляровский и другие.

Члены „СРЕДЫ“

Членов «Среды» было много. Иногда членство длилось несколько лет, иногда один сезон. Кто-то уходил, другие появлялись; гости превращались в членов, члены — в гостей; стареющих сменяли молодые, а тех — еще более юные.

Были у «Среды» и почтенные члены, как Сергей Иванович Ягужинский, он прошел с ней жизнь от начала и до конца.

Год рождения «Среды», 1886-й, был годом рождения и художника Ягужинского, как он сам считал...

— Мы ровесники, — гордо сообщал он на юбилеях «Среды».

— Убавляете, убавляете годики, Сергей Иванович, — поправлял Богатов. Ничуть не смущаясь, Ягужинский отвечал:

— Жить стал с тех пор, как писать начал, до того времени не жил.

Но Богатов, не унимаясь, вслух рассчитывал:

— 1875 год — год поступления Сергея Ива-

новича Ягужинского в Строгановское училище. В 1881 году училище было окончено. Пять лет, и все пять вы писали, Сергей Иванович, не так ли? Пойдем дальше. Еще пять лет провели вы, Сергей Иванович, в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Допускаю, вполне понятно, не всегда самостоятельно, под руководством, но, заметьте, каким — Евграфа Сорокина, Иллариона Прянишникова, Владимира Маковского, Василия Дмитриевича Поленова, — но опять-таки вы писали и весьма активно выступали на ученических выставках. Итого, одиннадцать лет до 1886 года вы писали, и не чернилами, а красками, тогда уже оказывая склонность акварели. Так ровесники вы со «Средой»? А?.. Вы старше «Среды» на целых одиннадцать лет.

Сергей Иванович Ягужинский любил «Среду» всей душой и сам был душой «Среды». Кто первым приходил на «Среды»? — Ягужинский. Кто чаще других дежурил? — Ягужинский. Кто скорее всех на пригласительном билете почетному гостю набросает виньетку, на протоколе нарисует акварелью? — Ягужинский. Кто старательнее трудился и пел «Недурно пущено»? — Ягужинский. Он нес «Среде», как задушевному другу, свои новости, успехи, а порой и огорчения.

В Москве открылась художественная школа Анатолия Оттовича Гунста, и Сергея Ягужинского, молодого акварелиста, приглашают туда преподавать акварель. Разве не радость? Раньше всех о ней узнают на «Среде».

— Школа Гунста будет помещаться на Спири-

доновке, — торопится рассказать товарищам Ягужинский. — Гунст — архитектор, кончил Училище живописи, только по классу зодчества, и работает участковым архитектором в московской городской управе. А какой состав он подобрал!

Богатов лукаво улыбается.

— Да нет же, — отмахивается Ягужинский, — я не о себе, ведь Гунст пригласил в школу Левитана, Волнухина, Янова, Шехтеля, портретный класс должен вести Николай Чехов, если болезнь не помешает, что-то он хворает.

Рисовальный час на «Среде». Художники работают и переговариваются, Ягужинский молчит. Он оживает к ужину, когда придут гости, а сейчас он занят, рисует. Старательно и сосредоточенно трудится Ягужинский. Перед ним коробка с акварелью, акварель — его стихия, он любит эту технику больше всего. Сколько радости доставляет ему процесс работы, а если результаты удовлетворят, на него самого радостно смотреть. Пока работает — нахмурится, складки набегут на лоб между бровей, а кончит — посмотрит и вдруг усмехнется, с шумом отодвинет стул, быстро обежит стол, заглянет через плечо к рисующим художникам, к одному, другому, третьему.

На «Среде» всегда видели работы Сергея Ивановича, которые он готовил для выставки. Здесь раньше других узнавали, что Ягужинский приглашен преподавателем акварели в Строгановское училище, здесь смотрели новые редкие экземпляры бабочек или цветов, коллекцию которых всю жизнь собирал Сергей Иванович.

«Среда» первая узнавала об участии Ягужинского на очередной выставке акварелистов Общества любителей художеств, о новом заказе на иллюстрации или оформление книги, на плакаты для Эйнема, от которого он приносил на «Среду» наборы шоколадных конфет. Если вдруг оказывалось, что Сергей Иванович заболел или по каким-то другим причинам не показывался на «Среду», все искренне огорчались. Но недомогания Сергея Ивановича кончались, и снова он ходил по залу, улыбаясь и укладывая в папки рисунки и акварели «Среды» после очередного вечера и рисовального часа.

Шутку и вместе с тем покой, степенность вносил на «Среду» Николай Алексеевич Богатов, старейший член этого кружка. Он, собственно, помог возникновению «Среды» и затем не жалел сил, чтобы она жила.

Его рисунки охотно покупались любителями живописи — сценки из жизни деревенских мальчишек, собачонки с задранными хвостами, натюрморты, интерьеры — все писал на «Среде» Богатов и даже приносил из дома некоторые работы, увеличивая или стараясь увеличить фонд «Среды». Почтенность возраста и вида, неизменные усы и борода, строгий черный сюртук заставляли считаться с ним. К тому ж он много знал, был домами дружен с Суриковым, участвовал на выставках передвижных, периодических, Общества любителей художеств, Петербургского общества художников.

Работая как иллюстратор, Николай Алексеевич бывал в курсе литературных дел и событий и охотно рассказывал о них на «Среде». Иногда вспоминал

о своем детстве, об отце — крепостном крестьянине-самоучке, ставшем художником. Вместе с ним «Среда» переживала глубокое горе, когда в войну 1914 года погиб молодой Богатов, тоже художник, член «Среды». Но охотнее всего рассказывал Николай Алексеевич об Училище живописи, о Перове, который был для него большим авторитетом.

Гордость ветерана ученических выставок никогда не замолкала в Богатове. Ему охотно прощали эту маленькую слабость и с удовольствием снова и снова слушали истории из жизни Перова в училище, о первых выставках, о том, что на них было, да как чья работа висела.

— Вы бы, Николай Алексеевич, записали все это, — советовали ему.

— Да можно бы, — скажет Богатов и посмотрит в сторону говорившего как-то непонятно — не то с одобрением, не то нет.

Николай Алексеевич как мог старался оберегать «Среду», чтоб не распался этот союз художников, союз живой, непринужденный, дружный и нужный. Нового члена кружка он всегда отечески наставлял, особенно если это был молодой талантливый художник:

— Гордись, гордись, за этим столом работал Левитан, здесь в папках хранятся его акварели, рисунки.

Левитан был гордостью «Среды». Левитан — член кружка «Среда», это вошло в историю собраний в Савеловском и на Молчановке.

Когда Левитан из членов превратился в гостя, да и то редкого, все, что было на «Среде» связано

с ним, чтилось и оберегалось, а после смерти художника перешло в дорогие реликвии кружка. Его рисунки и акварели, выполненные на «Среде» и частью оставшиеся в ее альбоме, хранились как память о великом художнике. Гитару, на которой играл и под аккомпанемент которой пел художник, разрешалось брать в руки только почетному гостю, а пел Левитан на «Среде» немало.

Левитан был членом кружка с 1886 года. Весну он провел в Крыму. Затем лето и осень в Саввинской слободе, где писал этюды со своим другом, художником Степановым и с Софьей Петровной Кувшинниковой, а с сентября стал преподавать в школе изящных искусств А. Гунста. В Москве Левитан слышал что-то о «субботах» Шиловского, но еще не успел побывать на них, а тут стали собираться и «среды» у Шмаровина, искреннего любителя живописи и художников. Левитан это знал. И вот он на «Среде». Иногда из школы Гунста с Ягужинским, иногда со Степановым, а то с Софьей Петровной приходит Левитан в Савеловский переулок. Он еще разговорчив, охотно вступает в споры, охотно слушает, охотно рассказывает сам и охотно рисует. Особенно легко работается ему под музыку, и Софья Петровна часто садится не за стол рисовать с художниками, а к пианино, тем более что ее намерение поиграть дружно поддерживается всеми членами «Среды». Играет она то, что любит Левитан. В Савеловском переулке в ту пору звучали сонаты Бетховена, Грига, и опять Грига.

Бывало и так. Рисует Левитан, рисуют художники, тихо переговариваются между собою сидящие

с краю стола Шмаровин и Киселев. Вдруг какой-то звук нарушил тишину — это Левитан отложил карандаши и отодвинул одновременно стул. Заглянул к соседу — Степанов рисует своих зверей, не один лист лежит перед ним с лосями, волками и понурыми лошаденками.

— А ты знаешь, Степочка, — говорит ему Левитан, — не идут у меня из головы стихи Алексея Толстого, те, что вчера читали, помнишь? Я запомнил:

Среди дубравы,
Блестит крестами
Храм пятиглавый
С колоколами.

Их звон призывный,
Через могилы
Гудит так дивно
И так уныло!

К себе он тянет
Неодолимо,
Зовет и манит
Он в край родимый...

С Алексея Толстого перейдет на Никитина, Тютчева, которого очень любил, и читает, читает с удовольствием, наслаждаясь каждым стихом, строкой:

— Стихи, кто их придумал, эти песни слов? Произнесешь слово, другое, ничего особенного, а сумел сложить их человек, и запоют они...

Песни пел Левитан грустные, задумчивые, щемящие, едва слышно подыгрывая себе на гитаре.

Но не только грустил Левитан, и смеялся он, да как весело, заразительно. Впрочем, на «Среде»

долго нельзя было грустить, не дадут. С азартом играл в лотерею.

— Хочу выиграть Костю, — вдруг скажет он и будет покупать лотерейные билеты до тех пор, пока не выиграет.

Так было с акварелью Коровина «На палубе». Еще пока Коровин писал ее, Левитан, сидящий с ним рядом, нетерпеливо вертелся на стуле. А как только Коровин кончил и стал промывать кисти — спрашивает его:

— Костя, а ты что будешь с этой акварелью делать?

— Что? — посмотрел на него Коровин. — Тебе нравится она? Могу подарить.

— Нет, нет, — заторопился Левитан, — ты бы лучше ее на лотерею поставил, а я непременно выиграю.

— А если нет?

— Выиграю, вот посмотришь, — уверенно отвечает Левитан, а глаза горят.

— Давай попробуем, если тебе так хочется, — Коровин и сам был не против любой игры.

Десять билетов купил Левитан, десять раз беспорядочно звенел бубен, а хор художников кричал «мимо!». Но Левитан не сдавался, купил еще пять билетов. На третьем хор, наконец, запел «Недурно пущено», а Голоушев торжественно преподнес сидящему Левитану акварель Коровина «На палубе». Меж зеленых берегов Волги под безоблачной синевой неба бежал белый самолетский пароход, а на палубе, наклонясь к воде, стояли две стройные женские фигуры в белых платьях.

— Доволен? — спросил, смеясь, Коровин.

— Очень, очень, — торжественно отвечал Левитан.

С удовольствием участвовал Исаак Ильич в ту пору в костюмированных вечерах «Среды». За несколько часов одного вечера он превращался, меняя костюмы, в волка, зайца, филина или в еще какого-нибудь зверя, вводя в заблуждение товарищей и радуясь их недоумению: только что опознали Левитана-волка, а он уже исчез, и теперь волк ходит, да не тот. Где же Левитан? Начинались поиски, смех, пока Исаак Ильич не обнаруживался в маске белки — и так по несколько раз в вечер.

На рисовальных часах «Среды» Левитан работал много. Его рисунки и акварели быстро раскупались любителями, гостями, разыгрывались в лотерею. Выполненные на «Среде» работы Левитан почти никогда не забирал, разве если станет рисовать с кем-нибудь вдвоем, с Богатовым например: Левитан нарисует заливной луг, поле, берег реки, а Богатов посадит мальчишек рыбу удить, или в поле мужики косить станут. Случалось, что в левитановских полях и лесах разгуливали степановские зверюги — такие работы исполнителями забирались. К кому они попадали — Левитану, Богатову или Степанову? Сейчас сказать трудно.

Сам Левитан только деревянную и фарфоровую посуду, расписанную им на «Среде», почти всегда забирал с собой:

— Для подарков хорошие вещи.

Одно блюдо, расписанное Левитаном, с деревенькой, затерянной в русских полях, долго храни-

лось на «Среде», украшая ее торжественные собрания.

Позднее, когда Левитан стал гостем «Среды», он приходил иногда на музыкальную часть вечера или посмотреть на рисующих художников, потолковать с ними, поспорить с Ленским о Малом театре и его актерах или самому рассказать о чем-нибудь, вспомнить с ветеранами «Среды» начало ее веселой жизни.

Артист Малого театра Александр Павлович Ленский многие годы был членом «Среды». Друг Левитана (Исаак Ильич писал даже портрет артиста — он делал это крайне редко), друг Степанова, Кувшинниковой, Ленский, кроме того что был талантливым актером и режиссером, неплохо рисовал и отдавал немало времени этому увлечению. Чуть не весь репертуар известного комического и драматического актера В. Самойлова был представлен Ленским в рисунках. На «Среде» он появлялся с актером Ф. Горевым, иногда один, и даже чаще один. Удивительный чтец, Ленский не любил выступать в большой аудитории из-за своей застенчивости, а вот «Среда» много раз переживала незабываемые часы, слушая его исполнение.

Случалось, Ленский изображал игру некогда знаменитых актеров Поволжья, которых он видел в молодости, когда служил у известного антрепренера Рассказова. Ленским был написан на «Среде» и долго хранился портрет Ф. Соллогуба, а Шиловский вылепил бюст Ленского в роли дона Сезара де Базана.

«Среде» доводилось слушать их горячие раз-

говоры о гриме и о Малом театре. Приветствовала «Среда» Ленского, когда он был назначен главным режиссером Малого театра, и слушала его план преобразования сцены. Ленский любил посмотреть, придя на «Среды», папки, где хранились работы Левитана.

Художники очень сожалели, что он не мог видеть портрета Левитана, который появился на «Среде» уже после смерти Ленского.

В 1912 году в феврале газеты сообщили, что портреты И. Левитана и М. Антокольского работы В. Поленова, выполненные в начале девяностых годов с натуры, приобрел В. Шмаровин. Для «Среды» это был настоящий праздник.

— Левитан снова с нами, — говорили все, проходя на очередной вечер, поглядывая на портрет, висящий в скромной рамке в зале, где собирались художники. Смотрели на Левитана, Левитан с портрета смотрел на рисующих художников, когда-то и он тоже рисовал здесь, веселился на «Среде», и повторялись для молодых ее членов рассказы о великом пейзажисте.

Левитаном гордились, Левитаном восхищались, перед ним преклонялись, его, конечно, любили, но как-то сдержанно, про себя. Тихая грусть и задумчивость, постоянная печаль, не исчезающая даже с улыбкой и смехом Левитана, останавливали, не позволяли громко высказывать ему своей любви и признательности.

Коровина любили вслух, громко, весело, самозабвенно. Костя Коровин! До чего бурно была в нем жизнь. Случалось и у него дурное настроение,

досада на окружающих, даже обиды. На него не раз нападали в печати. Но долгое время предаваться печали Коровин не мог, во всяком случае «Среда» знала о его дурных настроениях только по слухам.

Как и Левитан, он получил диплом художника в 1886 году. Как и Левитан, тогда же стал членом «Среды». Его черные волосы, красиво оттеняющие матовый цвет лица и легкий румянец, виднелись то на одном конце стола, то на другом.

— Костя, а ты знаешь, как Киселев тебя охарактеризовал? — скажет ему Ягужинский.

— Как?

— Егозлив, говорит, больно егозлив; он и еще кое-что добавляет по твоему адресу, да не скажу: зазнаешься. — Однако последних слов Коровин не слышит.

— «Егозлив, егозлив», — повторяет он и громко, заразительно смеется. Одна рука за жилеткой, другой он только что размахивал, что-то рассказывал Клодту, а теперь рисует.

— Немножечко синего неба, немножечко синего моря, и готово.

— Так уж и готово? Больно быстро, — недоверчиво посматривает на него через стол художник Ф. Фосс.

Смеется Коровин, вздрагивает от смеха левая рука под жилеткой, а правая мелькает в воздухе, кисть его тронет на столе акварель, коснется воды и опустится на бумагу. Старается Фосс, на лбу появились капельки пота, из-под бровей бросает взгляды на Коровина; он очень любит Константина

Алексеевича, его артистическая легкость в работе вызывает в нем одновременно недоверие и преклонение, даже чуточку зависти.

— Господи, — иногда прямо стонет Фосс, — хоть бы руку из-за жилетки вынул! Пишет, словно танцует.

И Коровин любит Фосса и отвечает ему:

— А ты тоже легче, веселей работай, свежей, что все своих клоунов с бумажными фонариками лепишь, ты природу пиши, пой ее красоту.

— Легко сказать «пой»! А если голоса нет — хорошо, как он тебе дан.

— А голоса нет, так и не берись петь, брось кисти!

Фосс не обижался за эти советы на Коровина, они были между собой давно и преданно дружны. Когда Коровин появлялся на «Среде», Фосс подсаживался ближе к Коровину.

— Погоди, — остановил его как-то Коровин, — не подходи, на расстоянии посиди, попробую написать твой портрет. — Небольшой акварельный портрет Фосса так и остался в собрании «Среды».

Иногда Коровин исчезал. Нет неделю, другую, третью; случалось, и до конца сезона не появлялся. И вдруг ворвется на «среду»:

— Во Владимире летом был с Саввой Ивановичем, вот где резьба по камню. Успенский собор, Дмитриевский, Золотые ворота, до чего хороша Русь! От Успенского собора дали открываются чудные, луга заливные!

Несколько «Сред» он аккуратно приходит, рисует акварели, расписывает чашки, смеется, играет в лотерею — и вдруг снова исчез.

— Что это нет Костеньки? — спрашивает кто-нибудь.

— Уехал с Саввой Ивановичем Мамонтовым в Италию.

Но вскоре опять на одной из очередных «сред» неожиданно появится Коровин, оживленный, довольный, веселый.

— Ватикан, скульптура! — кричал он чуть не с порога. — Ничего подобного представить себе не мог.

И начинался рассказ, рассказ живой, увлекательный, и те, кто еще не побывал в Италии, ехали вслед за Коровиным через ее туннели, ходили по Ватикану и улицам Флоренции под дождем, смотрели собор святого Петра, скульптуру Микеланджело и его прославленные фрески в Сикстинской капелле.

— Костенька, — говорит Владимир Егорович Шмаровин, — пока ты рассказывал, Федотыч принес ситный королек, в Италии-то нет, поди, булочной Филиппова и королек ситных. До ужина, может, чаю выпьем?

— С удовольствием, — живо откликается Коровин, — спасибо за корольки, я их так люблю, все-то вы помните, что может быть лучше чая крепкого с ситным корольком...

«Среда» готовит бал в залах Российского благородного собрания. Больше всех беспокоится Коровин.

Он решает сделать японский павильон.

— Настоящий японский будет, — говорит Коровин, — вот посмотрите.

Никто не сомневается, но подзадоривают Коровина:

— Мы-то посмотрим, а ты где Японию видел?

— В воображении, тут, — и Коровин энергично показывает на голову и сердце, — и потом видел не видел, а павильон сделаю! Комната в Училище живописи для работы уже получена, краски приготовил, холст тоже привезли, — перечисляет он и добавляет: — Я пока съезжу в Японию, сидя в Москве, а там, глядишь, и на самом деле побываю у Фудзиямы, вот позавидуете, — и от удовольствия Коровин смеется.

Левитан тут же. Он занят эскизами и, не глядя на Коровина, говорит ему:

— Ты, помнится мне, не так давно и в Египет ездил, когда «Аиду» у Саввы Ивановича оформлял. Помнишь, Илья Семенович Остроухов даже стихи написал. И Левитан начинает их читать:

Едет Коровин
В страну диковин,
Прямо, без фасонов,
В землю фараонов.
Лишь поет для виду
Оперу «Аиду».
Все идет прекрасно,
Нравится ужасно.
Здесь вот бедуины,
Там кругом руины,
Климат сух...
Только вдруг —
Подъезжая к Нилу,
Встретил крокодилу...
Буду точен:
Испугался очень...

— Читать дальше, Константин Алексеевич? — спрашивает Левитан. Коровин энергично протестует, все весело смеются.

Слышала «Среда» от Коровина и его рассказ о поездке на Север с Серовым, о том, как зябли они там и голодали и все-таки привезли немало этюдов.

В Среднюю Азию Константин Алексеевич ездил с Николаем Клодтом (тоже членом «Среды» с ее основания). Затем они вместе работали над панно для Северного и Среднеазиатского павильонов Нижегородской выставки и Всемирной выставки в Париже. По средам они, уставшие и довольные, приходили отдохнуть на Молчановку.

Едва мелькала в проеме дверей куртка Коровина — мехом наверх, Шмаровин спешил навстречу.

— Совсем заработались, — говорил Владимир Егорович. Сидящие за столом художники радостно улыбались. Из «мертвецкой» кричали:

— Константин Алексеевич, здравствуйте! Вот хорошо, ужин начинается!

— Ко времени поспели, значит, — отвечает Коровин, — ба, а вы богатеете, я смотрю, на столе у вас беловские колбасы, да разных сортов. Клодия, Клодия, нам с тобой есть чем подкрепиться, тут и сыр, и даже красное вино.

Выпито вино, вносят второй самовар. А на этот раз где побывали художники с Коровиным, о чем они услышали? Вслед за Коровиным они съездили в Среднюю Азию. Побывали в Самарканде, они слышали игру уличных музыкантов в чайхане — Коровин рассказывает очень образно. Клодт допол-

няет его деталями. Теперь, кто не бывал еще в Средней Азии, знает, что такое торг лошадьми у самаркандской мечети и труд на рисовых полях, где люди работают целыми днями по колено в воде.

Все весело смеются, слушая от самого Коровина, как вздумалось ему прокатиться на верблюде.

— Ездок я неумелый, с чужой помощью залез на чудище верблюжье, а проехаться не удалось. Я его, верблюда, и так и эдак уговариваю — ни с места, не идет, и все тут. Сколько можно сидеть меж горбов? Слез я, а он повернул в мою сторону голову да как плюнет, бестия слюнявая, ослепил. В один миг всю рожу залепил, полчаса полоскался, еле-еле отмылся.

Ревностно следила «Среда» за коровинскими успехами. Радовалась его работам на Нижегородской выставке, его пейзажам и гурзуфским розам, его постановкам в театрах, радовалась ему, всегда обаятельному, веселому и милому — в куртке ли мехом наружу, в смокинге ли с гвоздичкой в петлице, в гороховом ли жилете, в холщовой ли куртке, кое-где тронутой краской, — радовалась и любила все годы своего существования.

Николай Алексеевич Клодт был постоянным и неизменным членом «Среды». Внук скульптора Клодта, он несколько тяготился славой своего знаменитого деда и неодобрительно относился к вопросам, вроде:

— Вы из тех Клодтов?

— Я Николай Клодт, — отвечал он, — пейзажист и декоратор.

Человек Клодт был спокойный и уравновешенный.

— Никак не могу расшевелить, — жаловался Коровин, — говорю ему, смотри, толстеешь, чудака. А он хоть бы что, ест себе пироги. Все из мастерской норовит удрать к Тестову, растегаи там, видишь ли, лучшие в Москве, а то еще какие-нибудь лакомства выщеп в Сокольниках и ездит туда, чтоб отведать лишний разок. В Средней Азии ничего, кроме сластей восточных, в рот не брал, да еще вино. Оно кисленькое, вот хорошо и получается.

Клодт слушал, рисовал чей-нибудь профиль, и спокойная усмешка блуждала на его пухлых губах. Чуть ли не все члены «Среды» и гости ее остались в его рисунках, карикатурах и набросках. Шмаровин, Богатов, Ягужинский, Переплетчиков, Синцов, Ленский, Горев, Киселев, Пчелин, Аладжалов, Гиляровский, Волнухин, Завьялов, Крылов, Шаляпин и многие другие и не заметили, как в один какой-то миг попали на карандаш спокойному Клодту.

Николай Алексеевич очень любил природу, театр и животных. Иногда он жаловался:

— Мне трудно решить, что больше люблю, пейзаж или декорацию, куда как плохо так жить, — говорил он и рисовал на «Средах» карикатуры на художников и лошадей.

— А все-таки вы из тех Клодтов, — напоминал ему первую встречу с ним М. Яровой, глядя на клодтовских животных. Николай Алексеевич мирно улыбался и ниже склонялся к своему рисунку.

Сергей Сергеевич Голоушев был по образованию врач, но увлекся искусством и почти перестал зани-

маться практикой. В 1877 году его привлекли по процессу 193-х, а в 1879 году за участие в демонстрации по делу Засулич выслали в Архангельскую губернию. Через год освободили из-под надзора, и он уехал за границу. Здесь и началось увлечение искусством. Вернувшись из-за границы в Москву, Голоушев через Общество любителей художеств сблизился с художниками, со многими подружился. Не пропуская ни одной «пятницы» в Обществе, он так же усердно приходил на «субботы» Шиловского и с самых первых дней стал членом «Среды». Кто-то, а Сергей Сергеевич любил поговорить с художниками.

— Живопись живописью, рисунок рисунком, — рассуждал он, — а вот автор их!.. Что он любит, о чем думает, как работает, почему именно так, а не по-другому, и потом этюды, этюды — вот где можно получить уйму наслаждения! И как только в Москве появлялись с этюдов художники Левитан, Степанов, позднее Архипов, Виноградов и другие, Голоушев спешил к ним.

— Этюд — сердце художника, кровь его! Первый мазок, ох как авторы небрежно относятся к нему, — сокрушался Голоушев, а художники улыбались, они-то знали, что такое этюд!

Сергей Сергеевич любил «Среду» и ценил ее как одну из возможностей близкого общения, контакта с художниками и между художниками. Где поговоришь так тихо и обстоятельно с Василием Ивановичем Суриковым, как не на «среде»? И в Обществе любителей художеств и на выставках обстановка не та. И Голоушев не пропускал «Сред».

Увлечения Голоушева были обширны и не ограничивались изобразительным искусством. Голоушев любил и знал театр, музыку.

Художественный театр Голоушев боготворил с момента его возникновения и до последних своих дней. На «Среде» читал Сергей Сергеевич отрывки из будущей книги «Под впечатлением Художественного театра», написанной им в соавторстве с Джемсом Линчем (Леонидом Андреевым). А когда она вышла в 1902 году, у «Среды» был отличный повод спеть «Недурно пущено» и поднести Голоушеву «кубок Большого орла».

«Среда» была свидетельницей радости Голоушева, когда в 1892 году он получил в подарок от Левитана этюд «Ржаные поля» с дружеской надписью. Левитан был его огромной привязанностью.

— Каждый мазок его достоин изучения, — не раз повторял Голоушев.

«Среда» слушала очерк Сергея Сергеевича о картинах Левитана «После дождя» и «Вечер», напечатанный потом в журнале «Артист». Приходя на «Среды» после смерти Левитана, Голоушев почти всегда открывал папки, где хранились рисунки и наброски художника, и, в сотый раз рассматривая их, говорил:

— Даже в пустяке ни капельки банальности, везде Левитан, разный, неповторимый и все-таки Левитан.

Немало сделал Голоушев, собирая материалы для биографии Левитана. Он не пропустил ни одного случая, чтобы посмотреть лишний раз где-нибудь в частном собрании его работы, поговорить

Н. А. Клодт. Портрет
А. П. Ленского.



Н. А. Клодт. Портрет
А. А. Синцова.

Н. А. Клодт. Шарж на
С. М. Волнухина.



М. М. Яровой. Портрет
И. И. Крылова с гитарой.



Н. А. Клодт. Портрет
В. А. Гиляровского.



Н. А. Клодт. Портрет
С. И. Ягужинского.



С. И. Ягужинский. Портрет А. С. Голубкиной.



Н. А. Клодт. Шарж на
А. А. Киселева.

И. А. Малютин. Портрет
И. Е. Гуганавы.



С. И. Ягужинский. Портрет
Ф. Ф. Кенемана.

И. А. Малютин. Шарж
на И. Н. Павлова.



Л. В. Туржанский. П. И.
Петровичев и Л. В. Тур-
жанский.

Е. Г. Соколов. Меню юбилейного ужина «Среды» в 1911 году.



Д. С. Моор. Шарж на Л. В. Туржанского.





К. А. Коровин. Портрет Ф. Я. Фосса.

Д. С. Моор. Шарж на М. С. Сарьяна.



с человеком, который знал художника. Все, что касалось Левитана, было важно для Голоушева. Он писал художникам и знакомым, прося их поделиться воспоминаниями, сетовал на распоряжение Левитана сжечь всю его переписку, сетовал и в то же время не смел оспаривать это распоряжение. За чаем не раз переводил он разговоры с Алексеем Степановичем Степановым на Левитана: Степанов очень близко знал Исаака Ильича.

— Я все-таки добрался до писем Левитана к Степанову, не все, но кое-что он дал мне почитать, — радостно сообщал Голоушев на «среде». Или в другой раз говорил:

— «Среде» кланяется Софья Петровна Кувшиникова, ездил я к ней, она теперь недалеко от нас, живет на Арбате, вспоминала Левитана, «Среде» просила кланяться.

Многие художники сказали Голоушеву спасибо за труд, когда вышла в издании Кнебеля его иллюстрированная монография об Исааке Ильиче Левитане со статьей Игоря Грабаря «Художественный облик Левитана».

А сколько статей Сергея Глаголя (псевдоним Голоушева) было о выставках Союза русских художников и сколько говорилось затем о них на «средах». С Глаголем соглашались, с ним спорили, бывало, что и сердились...

Если кто-нибудь из членов «Среды» заболел, Глаголь вспоминал, что он врач, и отправлялся к больному немедленно.

25 января 1912 года. Мирно рисуют за столом художники, разговаривают, из «мертвецкой» доно-

сятся звуки гитары — там кто-то играет. Звонк в дверь, и через некоторое время Владимир Егорович входил в зал с конвертом в руке.

— Посыльный вернулся от дяди Гиляя: оказывается, он болен, потому и не пришел, хотя сегодня его дежурство, прислал письмо «Среде», — и Шмаровин читает его вслух:

Друзья! Бровей прошу не хмурить!
Не вправе вы меня винить.
Я болен, не могу дежурить,
Прошу сегодня заменить,
Я пережил такую бурю,
Что голова едва цела,
Поправлюсь, лихо отдежурю,
Хвачу по-старому «Орла»,
Ну, а пока больным и гадким
За стол являться стыдно к вам...

Дальше Голоушев не слушает:

— Поеду к Гиляю, богатырь наш сдает, посмотрю — может, чем помогу.

И Голоушев уезжает, никто не задерживает его, только просят, если можно, вернуться к ужину и посылают Гиляю в качестве лекарства бутылку красного вина из голицынских подвалов. Голоушев, осмотрев больного, вино пить ему запретил; тем не менее к ужину Голоушев привозит благодарность Гиляя в стихах:

За подобное лекарство
Заплатил бы я полцарства,
Если б только царством правил
Без контрольных всяких правил.

Устраивает ли «Среда» бал, выставку, юбилей — Голоушев советник, наставник и исполнитель.

На «среде» он режет гравюру на линолеуме (кстати, в России Голоушев первый стал это делать), он пишет о «Среде» и рассказывает о графической мастерской, организованной им в 1906 году при Строгановском училище.

Молодым участникам «Среды» Голоушев с охотой преподает уроки анатомии:

— Как врач и критик говорю, да вы и сами знаете: без анатомии нет художника, как нет врача.

— А без Голоушева «Среды», — вставляет Шмаровин. И тут же сам себя спрашивает:

— Только без Голоушева? А Синцов? Гугунава? Егорьев, Соколовы, Туржанский, Петровичев, Иван Малютин, Моор...

— Погоди, погоди, — останавливает его Богатов, — всех не перечесть, много набралось за тридцать лет.

Андрей Андреевич Синцов, или, как его в шутку называли на «Среде», «зад-назад Андрей», был немислим без «Среды», как и она без него.

Если Ягужинский приходил на Молчановку первым, то Синцов уходил последним. По натуре человек скромный и даже не очень общительный, он на «Среде» преображался. Сколько выдумки, изобретательности приносил с собой Синцов. Отлично играя на рояле, он, если, случалось, отсутствовали музыканты, великолепно заменял их, то аккомпанируя гимну, то просто наигрывая какие-то мелодии или наполняя зал звуками лезгинки, а случалось, и русской — ее отплясывал Иван Малютин.

Андрей Андреевич кончил Константиновский межевой институт, а потом Московское училище

живописи. Его квартира вся была завешена небольшими полотнами, акварелями и рисунками на сказочные сюжеты. «Баба-яга», «Змей Горыныч», «Баба-яга в ступе», «Сон Людмилы», «Богатырь», «Ведьма», «Княжеский пир» — эти работы показывал он и на выставках Московского товарищества художников, единственное объединение художников, в котором он выставлялся. Синцов был старшиной Товарищества, а одно время казначеем. Много сил отдавал Синцов книжной иллюстрации, года два работал декоратором, помощником Симова в Художественном театре. Только в исключительных случаях, вроде поездки за границу, пропускал он «Среды», даже в последние годы своей жизни, когда переселился в Подмосковье и добираться на Молчановку стало нелегко.

Высокий, красивый, с правильными чертами лица, с усами и аккуратно остриженной бородкой, Синцов смотрел на всех открыто, приветливо и очень стеснялся, даже краснел, когда кто-нибудь из гостей рассматривал его рисунки. Виктор Андреевич Симов, бывая на «Среде», говорил про Синцова:

— Чудак человек! Заставить его показать свои работы на выставке все равно, что у других спрятать. Иной старается изо всех сил попасть на выставку, а Синцов старается не выставиться. Все работы его скупаются любителями, проживет — и следов не оставит от себя, хотя всю жизнь отдал живописи: в музее ни одной работы, все по рукам разойдется.

Так и получилось. Смерть Синцова, неожиданная и быстрая, принесла на Молчановку искреннее

горе. Памяти художника устроили специальный вечер, а в 1914 году «Среда» на свои средства поставила ему на Ваганьковом кладбище памятник.

Иван Егорович Гугунава долго был членом «Среды». Высокий, стройный, красивый грузин, он появлялся на «Среде» одним из первых в своей неизменной широкополой шляпе. Быстро раздеваясь, Гугунава стремительно направлялся к столу и начал на блюде яростно растирать акварель.

— Князь, а не боишься блюде раздавить? — спрашивал его Егорьев.

— Будешь мешать, тебя раздавлю вместо блюда, — невозмутимо отвечал Гугунава, продолжая свое дело.

— При твоём росте, силе и темпераменте предупреждение внушительное, — не успокаивался Егорьев. Сам он был по плечо Гугунаве.

Случалось, что Иван Егорович не выдерживал нападок Николая Николаевича, и забавно было видеть рассвирепевшим этого в высшей степени элегантного человека. Гугунава вскакивал из-за стола и в мгновение ока, обхватив Егорьева, поднимал высоко над собой и над столом.

— Люстра, люстра, — кричали со всех сторон, а Гугунава наставлял Егорьева, держа его на весу:

— Вот полетишь сейчас вместе со своими амурами, — карниз зала Шмаровинского дома Николай Николаевич украсил вылепленными им самим амурами. После таких упражнений Егорьев на некоторое время успокаивался, а художники вместе с Гугунавой долго смеялись, вспоминая, как Николай Николаевич выглядел в воздухе.

Гугунава человеком был веселым, хотя и рассердить его не представляло большого труда. На выставке Гугунавы в свое время обратил внимание Поленов и хорошо относился к нему. Гугунава выставлялся на передвижных, периодических выставках и на выставке Московского товарищества художников. В основном он жил в Москве. Но лето большей частью проводил на Кавказе, в Гурии.

Однажды Гугунава отправился путешествовать на Волгу. Долго слушала «Среда» его восторженные рассказы о Ярославле. На пятой выставке Московского товарищества художников он показал картину «Пристань в Ярославле».

— Высокий откос в Ярославле, — рассказывал Гугунава, — зеленый, купола в небе, и лицей Демидовский на набережной — красавец, настоящий красавец!

— А на выставку дал из волжских работ одну и шесть этюдов Закавказья, — говорил, как будто между прочим, Аладжалов.

— Ну и что? Кавказ люблю больше всего и умирать стану — любить буду.

Каждая выставленная работа Ивана Егоровича Гугунавы подробным образом комментировалась им на «Среде». Он любил рассказать, что начиналось там, дальше, за кусочком дороги, леса или гор, изображенных на полотне или листе бумаги. И на «Среде» любили слушать простой и ясный рассказ о бесконечной нежности, которую он питал к своему Кавказу.

— Князюшка, попляши, — просили его время от времени художники. И Гугунава не заставлял себя

долго уговаривать. Сколько веселых вечеров, дружных ударов в ладоши, отбивающих такт лезгинки, исполняемой Гугунавой, знала «Среда»!

Давним, постоянным членом «Среды» был и Николай Николаевич Егорьев. Егорьев кончил Училище живописи, но как станковист работал мало. Больше всего работал в области росписей, этим и жил. До самозабвения любил музыку, играл на гобое, флейте, арфе. Вместе с дочерью Шмаровина, Райсой Владимировной, они устраивали «Среде» вечера дуэтов — арфы и гобоя.

— Еще, пожалуйста, еще сыграйте, — просил их Иван Иванович Крылов, появляясь на «Среде».

Крылов жил в Новочеркасске, лишь в зимние сезоны выставок бывал в Петербурге и в Москве. В это время он усердно посещал «Среды», членом которых был много лет.

Невысокий, сухощавый, черный, Крылов считал преступлением для художника большую часть жизни проводить в городе. Он любил живопись, степи, Кавказ и музыку. Вне этого для Крылова почти ничего не существовало. Как только в степи сходили снега и появлялась первая зелень, Крылов собирал этюдник, запасался красками и, потуже затянувшись кавказским ремешком, отправлялся в скитания до поздней осени. Иногда он появлялся в Новочеркасске, но на несколько дней — за холстами, красками — и опять исчезал.

Крылов окончил Академию художеств и получил звание неклассного художника, экспонировался на академических выставках и был членом Московского товарищества художников. В 1913 году в ма-

лом зале петербургского Общества поощрения художеств в связи с двадцатипятилетием художественной деятельности открылась его выставка, и Ивана Ивановича Крылова сердечно приветствовала по этому случаю «Среда». Ряжский угощал его изысканными кавказскими блюдами, специально для Крылова приготовленными, и все запивали их донским самодавом, частенько привозимым Крыловым из Новочеркасска. Много и долго мог говорить Крылов только о степях и Кавказе.

— Ты просидел всю жизнь в Москве, — упрекал он Богатова, — умрешь и не будешь знать, на какой земле жил. Я вот пробовал писать Москву, на четвертой Московского товарищества показал «Уголок Москвы», а сам смотрел и думал: счастливый я человек, я степной, горный, не городской. Знаю, знаю, без Москвы, скажешь, жить творческому человеку тоже трудно, центр, пульс художественной жизни в столицах. Знаю, и ты прав, но в одной только Москве жить нельзя, как ты, надо непременно двигаться, смотреть...

О степях Крылов мог говорить часами. Здесь его неизменным собеседником был дядя Гиляй. Встретятся на «среде» — и пошло: Дон к вечеру, Дон к утру, Дон в полдень, хурулы, кибитки, нагайки, стрепета, костюмы калмыков, степь весной, летом, зимой, осенью. Как-то написал дядя Гиляй после этих разговоров:

А на душе его вставали
Сады, казаки, хутора,
Да степи зеленью сверкали,
Да зелень волны прорезали
Голубоструйного Днепра.

И случилось, художники «Среды» радовались вместе с ними, что скоро весна и зацветут степи красным морем тюльпанов.

Поэтом «Среды» называли художники Владимира Алексеевича Гиляровского, ставшего ее членом с середины девяностых годов. А посещал он «Среды» с самого их основания. И действительно, сколько в истории кружка страниц, заполненных его стихами, экспромтами по разным случаям.

Приходил он на вечера и к рисовальному часу, и к ужину, и после ужина — всегда, когда мог прийти, занятый беспокойной, требующей частых отъездов из города работой журналиста.

«Среда» радостно приветствовала его появление. С ним приходили на Молчановку последние новости с Кавказа и Крыма, рассказы о московской Хитровке, притоне столичной нищеты, или свежий ветерок с Волги, Дона. Здесь слушали его рассказы о ходынской катастрофе в Москве во время коронации Николая II, о его поездке по гоголевским местам на Украине, о празднествах в Болгарии по случаю двадцатипятилетия освобождения от турецкого ига и о друге его юности Антоне Павловиче Чехове. Дядя Гиляй приносил с собой веселую шутку, экспромт:

Целый день скандал:
Ехал я к обеду,
Сильно опоздал,
Собрался на «Среду» —
На четверг попал... —

сообщал он, появившись на Молчановке после двенадцати ночи.

Кончился рисовальный вечер, играет на виолончели Оскар Федорович Аспергер, ему аккомпанирует С. Лентовская. И пишет, слушая их, дядя Гиляй на протоколе «Среды»:

Слился звук виолончели
Вместе с звуками рояля,
Пред глазами заблестели
Дни былые, снова встали
Годы юности мятежной,
Что прошли и не вернуться,
Ну а звуки с силой прежней
В душу, в сердце так и льются.
Ярки, живы и красивы
Встали юности картины,
Ветра теплого порывы
Оживляют так руины,
Так напомнили мне звуки
Отдаленное, былое,
Заглушили сердца муки
Иль усилили их вдвое...

Членом «Среды» становится известный хирург П. Постников. Это давний друг дяди Гиляя еще по организации первого спортивного общества гимнастов в России в 1882 году. Постников долгое время бывал на «средах» гостем. Часто и охотно приходил он к художникам посмотреть, как они работают, послушать новости. С 1908 года он член кружка. И пишет дядя Гиляй «Среде».

От седых времен Ликурга
И до наших славных дней
Обрела «Среда» хирурга
Первый раз в среде своей...

Двадцатипятилетие литературной деятельности дяди Гиляя превратило зал шмаровинского дома в

шуточный исторический музей. В одном из углов висел огромный портрет писателя в костюме запорожского казака, а вокруг экспонаты: гусиное перо невероятных размеров (предполагалось, что юбиляр написал им свое первое произведение), тут же первый литературный гонорар в виде картонных грошей (опять-таки неправдоподобной величины), стремя, которое служило дяде Гиляю в русско-турецкую кампанию 1877—1878 годов, трубка деда юбиляра, сподвижника последнего атамана Запорожской Сечи, наконец, папаха дяди Гиляя (серая мерлушковая, кто в Москве не знает ее?).

Далее следуют макеты книг, газеты и журналы, где он печатался. Адреса вручались под звуки бубна и гимна. В качестве подарка от художников Гиляровскому преподносят дюжину расписных и обожженных тарелок — чудесный предлог, чтоб перейти к ужину. И тут же обращается дядя Гиляй к художникам:

Тарелки ваши чудо,
Делают вам честь,
Только бы нехудо
Нам на них поесть...

Хорошо зная многих художников и их творчество, будучи неизменным посетителем выставок, дядя Гиляй охотно пользовался любой возможностью непосредственных встреч, общения с художниками.

«Среда» привлекала своей демократичностью: «Здесь не было крупных художников и начинающих учеников, здесь только были товарищи, собравшиеся в своем кругу отдохнуть душой от работы и от за-

боты, потолковать, порисовать, весело побеседовать да спеть «Недурно пущено» — гимн «Среды», а если есть дамы, то и потанцевать».

На «Среде» дядя Гиляй был особенно щедр на веселые слова, шутки и стихотворные экспромты:

Здесь больше жизни,
Меньше дела,
Здесь от напастей отдыхать,
Никто не может тут сказать,
Что здесь его среда заела,
Среда здесь может воскрешать.

Сам Владимир Алексеевич Гиляровский прилагал немало сил, чтобы на «Среде» было больше жизни. Не раз привозил он с собой интересных людей, молодых литераторов. Многие художники, побывав на «средах», с легкой руки дяди Гиляя стали затем ее членами.

Приехала из Самары молодая поэтесса Елена Буланина. В самарской газете ей посчастливилось работать вместе с Горьким. Она стремится в Москву, но пока может лишь наездами бывать здесь. Дядя Гиляй знает ее по Самаре. В Москве он знакомит Буланину с редакциями газет и журналов. Она печатается в «Русском слове», в «Детском чтении». Ведет ее дядя Гиляй и к художникам на «среду». Полезно и интересно — и Буланиной, и художникам. В одном из протоколов остались памятью «Среде» стихи Буланиной:

Скажи, зачем тебе роскошные каменья,
Добытые трудом и потом в рудниках,
Облитые слезой позора и мученья?
Взгляни, сапфир блестит в сверкающих реках,

Чудесной бирюзой сияют небосводы,
Алмаз горит в росе на листьях и цветах,
Весь дымкой золотой окутан храм природы,
И яхонт и опал играют в облаках...

Приводил дядя Гиляй и молодых художников — учеников Училища живописи Н. Струнникова, С. Ворошилова, В. Пчелина, которые впоследствии стали членами кружка.

Не раз по инициативе дяди Гиляя «Среда» устраивала свои вечера в залах Литературно-художественного кружка. Такие вечера способствовали сближению литераторов и художников, вообще художественной интеллигенции. Дядя Гиляй ходил между стульев довольный и улыбающийся, угощая всех табачком из своей табакерки и шуткой, если она приходилась к слову.

Любя «Среды», бывая на них, отдыхая и веселясь, отдавая должное членам ее — художникам, дядя Гиляй никогда не забывал и Владимира Егоровича Шмаровина, понимая, как много времени, сил и труда отдал он «Среде» и художникам. Ему дядя Гиляй писал:

Спасибо, друг, за тьму хлопот,
За задушевные беседы,
И пусть всегда успех растет,
Пусть будут так же и вперед
Соединять нас наши «Среды».

Доставалось на «Среде» от дяди Гиляя только М. Шестеркину. Отход художника от реалистического направления раздражал дядю Гиляя, и он не пропускал случая, чтобы отечески пожурить его. Когда в 1896 году на выставке Московского това-

рищества художников Шестеркин показал картину «Пьеретта», дядя Гиляй, придя через некоторое время после открытия выставки на «среду», сказал ему:

В Сокольниках среди лета
С себя писал, и вдруг назвал —
«Пьеретта».

— Ишь, — обрушивался он на Шестеркина в другой раз, — назвал картину «Тревога», разберись, что к чему...

Это был 1903 год. Дядя Гиляй только что выступил в «Русском слове» со статьей «Люди четвертого измерения». В ней он отрицал и прямо высмеивал поэзию певцов «невидимых растений», которую, как утверждал определенный круг людей, могут понимать лишь избранные. Статья получила широкий отклик. Чехов писал Гиляровскому: «Милый дядя Гиляй, твои «Люди четвертого измерения» — великолепны, я читал и все время смеялся, молодец дядя Гиляй».

Как и в литературе, в живописи Владимир Алексеевич Гиляровский стоял на реалистических позициях. Жизнелюбец и оптимист по натуре, он до глубины души возмущался картиной Шестеркина «Шепот смерти».

— Мальчишки, молокососы — поди ты, «Шепот смерти», да знаешь ли ты, что такое смерть, и что это за жизнь у тебя, если смерть воспеваешь.

Но видела «Среда» и как они мирно беседовали. Шестеркин рассказывал дяде Гиляю да и всем о своих поездках по Крыму (особенно он любил Бахчисарай), о делах в журнале «Весы» да почему

Брюсов стал реже бывать на «средах», занятый в журнале (сам Шестеркин работал там как оформитель), наконец, о делах Московского товарищества художников, секретарем и организатором которого он был.

— Вот ведь куда как неплохо твои бахчисарайские работы, — возвращался к разговорам о творчестве Шестеркина дядя Гиляй.

Михаил Иванович приглашал его к себе посмотреть последние работы, крымские этюды, что дядя Гиляй и делал с охотой и удовольствием. А на «среде» рассказывал:

— Был у Шестеркина — вот он тут сидит — и скажу: очень интересные у него работы, но там, где он не мудрит. Чуфут-Кале, например, город, что в горах, рядом с Бахчисараем. Замечательно! Много интересных этюдов нашей подмосковной Вереи, а потом повернул я какие-то подрамники, сбоку стояли, а там, бах, «Гармония голубого с белым» — черт знает что такое!

Долгое время членом «Среды» был художник Мануил Христофорович Аладжалов. Манук — так называли его друзья. А среди друзей Аладжалова были Левитан и Степанов, Архипов и Коровин, Виноградов — всех не перечислить, правильнее будет сказать, чуть не весь Союз русских художников и Московское товарищество.

Аладжалов был скромный и своеобразный человек. Армянин по национальности, он родился в 1862 году в Нахичевани, на Дону. Едва выйдя из гимназии, переехал в Москву, чтоб стать художником, и стал. Кончил Московское училище живописи,

а потом и всю жизнь провел в Москве, никуда не выезжал дальше Подмосковья и Волги на этюды. Убежденный холостяк, он скитался по номерам, мало обращая внимания на свой быт.

— А-а, лишь бы чайник был, — говорил он друзьям, когда те проявляли беспокойство о его неустроенности.

И у него был чайник — большой, медный, квадратный.

— Мой ближайший родственник, — шутил Аладжалов, — где уж с самоваром возиться одинокому человеку, а тут пока кисти моешь, он и зашумит. Сахар, хлеб, еще что-нибудь из колбасного от Белова, и снова можно приниматься за дело.

Работоспособность Аладжалова была удивительной и завидной. Ранней весной он уезжал на этюды и приезжал поздно осенью. Поживет немного в Москве и опять уезжает.

— Как, Манук, ты опять едешь? Куда?

— Зиму писать.

— Да рано еще.

— Боюсь пропустить первый снег.

Другие говорили ему:

— Да что, мало тебе снега в Москве?

— Мало, хотя шутка твоя нехорошая.

Аладжалов очень любил пейзаж средней полосы России и умел находить в нем массу разнообразия. Один и тот же мотив он готов был повторять по нескольку раз и повторял, стараясь уловить в нем новый звук, новое состояние, и, находя, переносил на свои небольшие полотна светлую грусть русских деревень, покой и тишину русских вечеров, мягкость

и теплоту русской зелени. Гиляровский как-то написал ему:

Ты прелести Кавказских гор
Сменил на лес, на Волгу, нивы,
На перевоз, на косогор,
На наши русские мотивы.

На «Среде» Аладжалов, приходя, сразу же принимался работать акварелью.

Бывать стал чаще Аладжалов,
Сопит и пишет акварель... —

так вспоминают о нем в стихотворном письме к Синцову в Париж члены «Среды».

Только в рисовальные часы вечера Аладжалов был активным участником, дальше он становился пассивным наблюдателем. Его небольшая хрупкая фигура почти исчезала в глубоком кресле, в котором он устраивался.

— Удобно в нем музыку слушать, — говорил он.

Даже Коровин не всегда мог расшевелить Аладжалова в минуты его отдыха. Впрочем, иногда Аладжалов превращался в бурю восторга или негодования.

Очень он был доволен, например, статьей Н. Досекина в журнале «Артист» за 1894 год, написанной по поводу второй выставки Московского товарищества художников. На этой выставке был между прочим показан этюд, написанный Аладжаловым и Коровиным совместно. Автор опровергал мнение некоторых критиков и художников, будто бы Коровин — французский импрессионист.

— Прав, прав Досекин, — горячился Аладжа-

лов, — он-то хорошо знает французских импрессионистов, полжизни провел в Париже.

Досекин в Париже жил действительно много. В Латинском квартале у него была даже одно время мастерская. «Среде» приходилось слышать кое-что о его парижских впечатлениях и о парижских выставочных салонах, иной раз хотелось бы больше, да что делать: Досекин был не из очень разговорчивых, пожалуй, даже самый сдержанный из членов «Среды». Образованный, умный, но суровый и малообщительный, он приходил на «Среды», как шутили художники, помолчать. Зато, если разговорится, немало можно услышать и узнать. Досекин дружил с поэтом Фетом, несмотря на большую разницу лет, часто у него бывал. После смерти Фета он забрал себе его ученого скворца.

— Оказался никому не нужным, — говорил Досекин, — а Фет его любил. Забавная была птица, любила кататься на шлейфах дамских платьев. Увидит шлейф, сядет на него и едет.

Иногда Досекин расскажет о Кругликовой, с которой встречался в Париже и дружил, или о том, над чем работает Валентин Серов — это всегда волновало художников, а Досекин с Серовым тоже был близок. Николай Васильевич первый раз привел на «Среду» Максимилиана Волошина. Случалось ему спорить, он даже любил иной раз поспорить, но обычно Досекин рисовал море и слушал других.

Туржанского и Петровичева на «Среде» звали «два Аякса». Своей неразлучной дружбой они напоминали героев «Илиады». На «Среду» они приходили всегда вместе.

Мы сидели все, как плаксы,
Разговор всяк умный вел,
Появились Аяксы,
Оживился стол, —

написал как-то им на «Среде» Гиляровский.

На «Средах» Туржанский и Петровичев стали бывать в начале девятисотых годов, еще учениками Училища живописи, но активными участниками ее вечеров они были примерно с 1907—1908 годов. «Среда» хранила в своем собрании немало их рисунков, акварелей, гуашей.

Ранние работы Туржанского, его небольшие этюды, случалось, покупал на «средах» и Константин Алексеевич Коровин.

— А хороши этюды у черномазого, — обращался он к художникам, — этот Аякс землю нашу матушку так пишет, хоть сейчас лопатой бери и копай.

Туржанский ниже опускал голову над работой; рядом с ним, маленьким и плотным, за столом сидит широкоплечий высокий Петровичев.

— Гордись, Леонард: Коровин хвалит, — шептал Петровичев, но так, что слышала вся «Среда».

Однажды в каком-то журнале появился снимок «Коровин и Туржанский на выставке Союза русских художников». Коровин что-то говорит Туржанскому, весело смеясь.

— Кто больше доволен этим снимком, — спрашивали друг друга на «Среде» художники, — Туржанский или Петровичев?

На «средах» разговаривал чаще Туржанский. Петровичев был менее общителен. Туржанский рас-

сказывал и о своих поездках на Север и о работе над портретом Ивана Бунина.

— Натура у Бунина интересная, но как-то скрывал он меня, когда писал я его портрет, — говорил Туржанский.

— Леонард Викторович, вы, кажется, на Северной Двине были, — обращается к нему через стол Кравченко, — расскажите, я собираюсь туда поехать.

— Не только на Северной, и на Сухоне был, — ответит Туржанский.

Особенно много рассказывает Туржанский о Севере, если встретит на «Среде» Архипова. Абрам Ефимович тоже любил Север и много поездил по его краям, но это были не те места, которые видел Туржанский.

— На Север я поехал, очень мне северные работы Коровина нравились, — говорил Туржанский. — Смотрел на них и думал: вот и Урал наш тоже Север, а другой, совсем не тот, надо посмотреть, и поехал. Сухона хороша, берега местами высокие, особенно у Нюксинец. Камень отвесной стеной в воду идет, а сама река извилистая, прихотливая. Вычегда да Сухона в тех краях самые непостоянные и капризные реки, чаще других меняют русла — это старожилы мне объяснили. А какие леса на Северной Двине — плотов видимо-невидимо.

— На Волге тоже немало плотов, — вставит Петровичев. А Туржанский продолжает и о Великом Устюге, что стоит на берегу Сухоны, у самого впадения ее в Двину Северную, о плотогонах, о де-

ревянной архитектуре, о деревнях Севера, простых и приветливых, о людях его, суровых и добрых.

Петровичев либо рисует, либо слушает, а то с Соколовым станут левитановские работы в папках «Среды» рассматривать да потихоньку между собой вспоминать дорогого учителя — Исаака Ильича.

Владимир Иванович Соколов тоже был членом «Среды» и очень ценил это содружество художников. После 1903 года Соколов поселился в Сергиевом посаде и стал регулярно бывать на «средах». Когда он жил в Танеевке, имении Пензенской губернии, не кто иной, как «Среда» и ее члены, поддерживали его в этом вынужденном из-за материальных затруднений изгнании, писали ему, сообщая новости художественной жизни Москвы и кружка. Соколову в свое время довелось жить в имении Морозовых с Левитаном. Левитан хорошо относился к нему как к художнику и человеку, и Соколов мог немало рассказать об Исааке Ильиче.

Соколов и Петровичев отсаживались в уголок и, рисуя либо на пригласительных билетах, либо просто так маленькие пейзажи, уголки леса, извилистые тихие речки и заросли у их берегов, разговаривали о Левитане.

Евгений Соколов, Иван Малютин и Дмитрий Моор были друзьями вне «Среды». Согласно действовали они и на «Среде». Вместе они работали карикатуристами в журнале «Будильник». Вместе решили в 1912 году издавать журнал «Волянка» на свои более чем скромные средства. Журнал очень быстро запретила цензура. Они грустили, на «Среде» их утешали, впрочем, и сами они долго не

были способны предаваться грусти и вместе со всеми смеялись над цензурой, шутили над собой. Карикатуры сыпались на членов кружка и гостей его очень обильно, когда все трое присутствовали на «Среде». Случались и отступления. Иногда Иван Малютин занимался декорациями, Евгений Соколов — русской сказкой, ну а Моор оставался неизменен. На «Среде» было немало его интересных карикатур.

Трети „СРЕДЫ“

Почетный человек на «Среде» — гость! Перед ним широко открыты двери. Гость — это не только покупатель, гость — это веселая шутка, песня, чарующая музыка, талант, ум, занимательный собеседник, интересный рассказчик или импровизатор.

И в самом деле, скажем, случилось так. Рисовальный час подходит к концу, обсудили последнюю акварельную выставку Общества любителей художеств, вспомнили, как Алексей Кондратьевич Саврасов похвалил как-то на «среде» акварели Ягужинского, даже пересмотрели некоторые из альбома «Среды». Пора бы к ужину. Начинают собирать со стола краски, кисти, ворчит на Гугунаву дежурный (где-то что-то он не так поставил), гости уже подошли, и вдруг звонок — резкий, нетерпеливый.

— Кто это? — прислушивается Шмаровин. А в дверях появляется Федор Иванович Шаляпин. «Недурно пущено» грянули сразу около тридцати членов кружка и чуть не столько же гостей.

Шаляпин впервые появился на «Среде» вскоре после того, как приехал из Петербурга и стал выступать в Частной опере Мамонтова. Слава его росла

изо дня в день, а сам он весь устремился к художникам. Его друг — Коровин. Он любит Серова, с интересом наблюдает и слушает Врубеля, если случается с ним встретиться; он жадно и настойчиво впитывает все, что можно взять от художников. Шаляпин тянется не только к таким громадам живописи, как Врубель, Серов, Коровин, он хочет разглядеть поближе и других. И вот он на Молчановке.

— Взял да и заглянул, — говорил он, раздеваясь в прихожей, и Кенемана привез, может, и попоем.

Кенеман, композитор и пианист, был долгое время аккомпаниатором у Шаляпина.

И шумела же «Среда», когда появлялся Шаляпин! Молодой, переживающий свой первый и ослепительный успех (Шаляпин только что создал Грозного в «Псковитянке»), он врывался как вихрь. «Кубок Большого орла» переходил из рук в руки. Сколько произносилось тостов в честь Шаляпина, какими отвечал он сам!

— Хочу петь, — бросал он, — слышите, петь!

И пел. В доме Шмаровина появился второй рояль — «шаляпинский». На нем никто не играл, он всегда находился в отличном состоянии — а вдруг Федор Иванович завернет?

И Шаляпин заглядывал.

— Кенеман, — обращался он к своему аккомпаниатору, вдоволь нашутившись и насмеявшись, — давай будем петь «Как король шел на войну».

Кенеман был автором этой песни, написанной специально для Федора Ивановича. Он садился за рояль, довольно улыбаясь. «Как король шел на войну» было только началом. Потом следовали арии

Грозного и Сусанина, песни Еремки и Варлаама, а там и «Дубинушка» — хор художников всегда готов подтянуть Шаляпину.

Шаляпин — гость «Среды». Дорожка на Молчановку была ему хорошо известна. «Недурно пущено» здесь певали его друзья Коровин, Гиляй, Василий Мешков, здесь бывал Илья Ефимович Репин. А Шаляпину все интересно знать о нем. Федор Иванович пересматривает протоколы:

— А профиля Грозного вам не оставил Репин? — спрашивает он, снимая лист за листом.

— Нет, Феденька, в протоколах Репин ничего не оставил, в альбоме «Среды» есть его рисунки. А вообще, когда Репин к нам заглядывал, карандаши в руки почти не брали — не до того.

И слушает Шаляпин, как веселился и шутил Илья Ефимович, попадая на «среды», как смеялся и дивился оркестру «чертовых скрипок», как сам восторженно и самозабвенно перебирал струны гуслей звончатых, пробовал играть на балалайке и вместе со всеми пел за ужином «Недурно пущено».

Случалось, что Федор Иванович успевал к рисовальному часу. Иной раз сядет и сам примется рисовать, но тут же вскочит: «Нет, не могу, слишком много художников, ничего у меня не получится». А иногда увлечется, рисует. На «Среде» было несколько шаляпинских работ, их в 1911 году в юбилейные дни члены «Среды» разыграли между собою в лотерею — деньги пошли в фонд увеличения стипендии беднейшему ученику Училища живописи, а рисунки Федора Ивановича «Среда» передала в собственность Литературно-художественному кружку.

Бывало, что Шаляпин хоть и успевал к рисовальному часу, да совсем не сиделось ему. Уже с порога кричал:

— Господи, еще художники, — и следовал выразительный жест в сторону стола, — рисовать, когда вино и женское сословие рядом.

Из рисовального часа ничего не получалось, кто мог противиться шаляпинской воле? Он усаживал за рояль Корещенко или Кенемана — если их не оказывалось, срочно посылали за ними, — а пока начались шаляпинские превращения.

Счастлив тот, кто мог видеть Федора Ивановича в такие часы. В мгновение ока перед художниками проходили в шаляпинском изображении комаринский мужик, удачливый рыболов Костя Коровин, и неудачливый — он, Шаляпин. Еремка из «Вражьей силы» превращался в печального рыцаря Дон Кихота, а тот в загулявшего волжского купчину; изображал самого себя, Мешкова — словом, Шаляпин веселился неудержимо и неудержимо увлекал за собой. Незабываемые минуты «Среды»! Как жалели те, кто почему-либо не был в тот вечер, и как они радовались, если в следующие «среды» им доводилось принимать у себя Федора Ивановича.

Репетируется в Большом театре «Вражья сила» Серова — декорации по эскизам художника Валентина Серова, сына композитора, делают Константин Коровин и Николай Клодт. Репетиция назначена на среду. Кончалась репетиция, вечером Шаляпин не занят в спектакле, и Клодт спрашивает его:

— Федор Иванович, может, на Молчановку заглянете?

— Возможно. Костя, ты не пойдешь?

— Не знаю, до вечера времени много...

А вечером являются Коровин и Шаляпин. Шаляпин и Коровин на «Среде» — это значит впереди вечер бесконечных шуток, остроумия; это то, что называют радостью, то, что запоминается на всю жизнь.

На гастроли из Петербурга приехала Вера Федоровна Комиссаржевская. Многие члены «Среды» помнят ее еще совсем юной и хрупкой, поющей цыганские романсы в комнате художников в Обществе искусства и литературы. И ей хочется встретиться с художниками «Среды»: у них ее так тепло принимали, когда она не была избалована вниманием.

Слава Комиссаржевской облетела теперь всю Россию. И вот Вера Федоровна на «Среде». Художник Егорьев весь вечер, не отрываясь, писал ее портрет, остальные слушали актрису, смотрели в необыкновенные, сверкающие то весельем, то лукавством, то восхищением глаза и рады были, что видят их здесь, у себя, а не только со сцены театра Корша, где проходили гастроли.

Комиссаржевская — гость «Среды». Ей дарят расписной ларь, ее потчуют с тарелок, расписанных лучшими художниками «Среды», перед нею цветы в вазе с пейзажами Соллогуба, Степанова, Клодта, фрукты на блюде, расписанном Левитаном. Никакие уверения, что оно обожжено и живописи ничего не грозит, не могут успокоить Веру Федоровну.

— Да это кощунство — есть с тарелок, которых коснулась кисть художника, ни в коем случае, — говорит она и быстро перекладывает фрукты в обыкновенную вазу и свою тарелку тоже заменяет. Долго

любуется Вера Федоровна блюдом Левитана — на нем изображен зимний день в деревне.

А потом снова оживляется, разговаривая с Богатовым и Ягужинским, вспоминает Общество искусства и литературы, бал в залах Благородного собрания в 1889 году.

— Больше всего, — признается она, — мне тогда понравился японский павильон, я там все время и пробыла, пока отец не увез нас с сестрой с бала.

— А нам, — замечает Шмаровин, — ваше пение, мы и теперь нет-нет да и вспомним вашу гитару и голос.

— И все же сегодня я вам не спою, а прочту. Прочту Тургенева «Как хороши, как свежи были розы», ах, жаль — нет Зилотти, — говорит Вера Федоровна, — ну ничего, я сама буду себе аккомпанировать, иногда это можно...

Федор Петрович Горев, артист Малого театра и любимец Москвы, ничего на «средах» не читал, хотя бывал там часто. Впрочем, он и вообще на концертах почти не выступал, его стихия была театр, спектакль. Если и случалось кому-нибудь из художников попросить его прочитать, он удивленно и широко открывал свои красивые глаза и спрашивал:

— Зачем?

Как ответить ему? Хотелось просто поближе послушать актера. Хотелось художникам, гостям «Среды», но явно не Гореву. И его оставили раз и навсегда в покое. Он приходил на «среды» один, иногда с А. Ленским. Сядет на турецкий диван в «мертвецкой», закурит кальян и, выпуская ароматный дым из своих красивых губ, наблюдает. А на

него тоже посматривают: ведь в Москве его иначе не называли, как «красавец Горев». Неотразим был не только на сцене, но и в жизни кумир театральной Москвы, много лет заставлявший ее смеяться и плакать, любить и ненавидеть вслед за героями, которых он играл. А играл он в пьесах Шиллера и Сарду, Лопе де Веги и Толстого. Даже небольшие, незначительные роли у Горева приобретали значительность.

— Федор Петрович, вы не попозируете? — спросят его.

— Отчего же, можно.

Он брал из «мертвецкой» кальян и садился в зале перед художниками, спокойно, как всегда, выпуская струйки дыма и внимательно наблюдая за рисующими.

К своему изображению оставался равнодушен, а вот сюжетные картинки рассматривать любил. Особенно нравились ему богатовские рисунки — их было на «Среде» много, и часто Горев, открывая папки альбома «Среды», подолгу перекладывал работы Богатова, через некоторое время снова к ним возвращаясь.

Горев после репетиции в Малом театре, а то и после спектакля отправлялся обычно в ресторан «Эрмитаж». В девяностые годы «Эрмитаж» на Трубной был чем-то вроде клуба. У многих артистов Малого театра были там свои столики, их никто не занимал, знали: это столик Садовского, а тот — Горева. Кончался спектакль или репетиция, артисты Малого к извозчику, а тот мигом за пятиалтынный доставлял их к «Эрмитажу».

Однажды Горев явился к ужину «Среды», с огромным пакетом, он нес его осторожно, на весу, обхватив обеими руками. Не раздеваясь, прямо в шубе, подошел к столу и опустил на него пакет:

— Это премия от меня Богатову, за его мальчишек и девчонок; Николай Алексеевич, вскрывайте, — и Горев отправился снимать шубу. Его встретили гимном «Недурно пущено» — на столе красовались искусно уложенные на блюдах молочные заливные поросята.

— Я-то тут при чем, повара «Эрмитажа» старались, — говорил Горев, довольный эффектом, который произвел его подарок.

Время от времени появлялись на «среде» братья Бунины. Чаше бывал Юлий Бунин, а когда в Москву приезжал Иван из своих странствий по Орловской губернии, с юга или еще откуда-нибудь, Юлий Алексеевич приводил его иногда к художникам.

Подтянутый и строгий, Иван Алексеевич, как и все, с охотой рассматривал собрание «Среды», заглядывал в протоколы, но сам оставался наблюдателем. Его высокая, статная фигура появлялась у стола, за которым рисовали художники, потом он исчезал в «мертвецкой» и снова возвращался в зал. Устроившись в кресле или на стуле, он брал одну за другой папки с рисунками, молча перебирал их, в то время как Юлий Алексеевич оживленно с кем-нибудь разговаривал. Бунин иногда отрывался от рисунков и пристально всматривался в говоривших. Юлий Алексеевич вовлекал в беседу и своего брата, но это был разговор краткий. Обычные приветствия, самые общие фразы и довольно скорое прощание.

Но однажды оживился Иван Алексеевич больше чем обычно. Рассматривая протоколы, он как-то дошел до листа со стихами Мирры Лохвицкой, тогда уже умершей. Вспомнили приходы Мирры Александровны на «среды», ее веселый, звонкий смех, неожиданные вопросы и весь ее облик — живой, очень земной и подвижной женщины, не соответствующий ее поэзии.

— Подумать только, эти стихи писала Мирра Лохвицкая, — говорил Бунин, держа в руках лист протокола с рисунками художников и стихами Лохвицкой...

Веет прохладой ночь благовонная,
И под прозрачной волной
Ты, златокудрая, пенорожденная,
Яркою блещешь звездой.
 Что же, Киприда, — скажи, светлоокая,
 Долго ль по воле твоей
 Будет терзать эта мука жестокая
 Страстные души людей?
Там на Олимпе, в чертогах сияющих,
В дивном жилище богов,
Слышишь ли ты эти вздохи страдающих,
Эти молитвы без слов?
 Слышишь, как трепетно-неугомонное
 Бьется в усталой груди,
 Ты, златокудрая, пенорожденная,
 Сердце мое пощади.

Суриков на «среде» — это праздник, событие. Придет неожиданно, долго в передней стряхивает снежинки, обметает веником ноги и, поправив плотную шапку волос, стриженную скобкой, пройдет в комнату. Сядет не за столом, а где-нибудь сбоку, на диване. Иногда так вечер просидит, ни слова не ска-

жет и, попросившись, уйдет. Иной раз возьмет карандаш и водит по листу бумаги, а сам разговаривает. Бывало, что с кем-нибудь одним — Голоушев подсядет к нему, и говорят. О чем — никто не слышит, а подолгу беседовали они. А то всем станет Василий Иванович что-нибудь рассказывать о своей родине Красноярске или об Италии; о работе говорить не любил.

— Красноярры — сердцем яры. И впрямь, народ смелый, закаленный, лихой. А Красноярск получил название от Енисея. Берег у реки глинистый, красный, крутой яр, обрывистый, и все глина красная — вот и Красноярск. Вода в Енисее чистая, холодная, бежит круто, не угонишься. Бросали мы в реку мальчишками щепки, поленья — даже и не увидишь: забурлит, закрутит и унесет. Плотов столько иной раз к берегу пригонит. Лес — в нехват. Бывало, ныряли под плоты, а вода и там несет, несет, того и гляди не вынырнешь. Однако ничего, выплывали. А рыбища там какая — осетры с человека ростом. Готовили их очень вкусно, помню, и жарили, и варили, и пироги пекли с осетровой визигой и с грибами.

И долго мог Василий Иванович вспоминать Енисей, Красноярск, о том, как устраивали снежные городки, какие бывали кулачные бои на льду Енисея. А карандаш между разговорами скользит и скользит у него по бумаге, и оживают под рукой Сурикова на безмолвном белом листе чудное лицо русской женщины или лицо озорного мальчишки. Взглянул, отложил, разговор продолжается, берет Василий Иванович следующий лист бумаги, опять ведет по

нему карандашом и слушает Вячеслава Антоновича Кафку:

— Уф, сейчас холодно становится, как о Сибири начну думать. Там, верно: едешь, едешь, и ни трактора, ни деревни, ни одного дома с огнем, все дороги и дороги, холод и холод. Зато, как до тепла доберешься в Сибири, только тут и оценишь по-настоящему, что такое стакан крепкого чая из самовара. Так ведь, Василий Иванович? — обращается Кафка к Сурикову.

— А я, — говорит вместо ответа Суриков, — в Петербурге, когда учился, скучал по морозам, так хотелось, чтоб под ногами снег захрустел по-красноярски. Нет, хрустит, да только не по-нашему, по-литерски.

Иногда Василий Иванович брал в руки гитару. Она на «Среде» называлась «левитановской»: чаще других играл на ней Исаак Ильич.

— Его песни хороши, — говорил Суриков, — да только очень грустные. Наши казацкие — дело другое, они и грустные как-то веселей, с надеждой.

Умолкали все, оставляли работу и слушали.

Однажды «Среда» потчевала Василия Ивановича пельменями. Делали их по-сибирски, во всяком случае — старались. Готовые пельмени замораживали и перед самой подачей на стол бросали в круто кипящий бульон. Пельмени были Суриковым одобрены, уничтожались с аппетитом не только им, но и всеми присутствующими. Шеф-повара Богатов, Ягужинский и Ефимов поручили своим подручным сосчитать пельмени, те отказались:

— Сия задача неразрешима. Знаете, есть такие

ответы в задачниках арифметики, — говорил Клодт, — ведь целый день лепили пельмени, сосчитай-ка.

С охотой и оживлением говорил Суриков, если заходила речь о мамонтовском кружке, о Частной опере С. Мамонтова, а в ту пору Мамонтов и его дела не сходили с губ всех, кто интересовался искусством и тем более жил в нем.

С особой нежностью вспоминал Суриков об игре Виктора Михайловича Васнецова в пьесе Островского «Снегурочка».

— Дед-мороз Виктор Михайлович был, однако, преотличный, — говорил Василий Иванович, — помню, как увидел его на сцене: высокий, величественный и красивый. Вот это Мороз! Как ему аплодировали, а я, наверное, сильнее всех. Лучшего Мороза я до сих пор не видел.

Случалось, что, проездом или по делам бывая в Москве, заходил на «среды» Николай Николаевич Каразин. Жил он в Петербурге, но человек был непоседливый, все ему надо было видеть, знать, и он много путешествовал, а дороги его лежали через Москву. Конечно, художнику хотелось встретиться с художниками, а где их сразу много увидишь — только на «Среде» да в Обществе любителей художеств. Вот он и приходил и туда и сюда.

На «Среде» любили, когда вдруг неожиданно появлялся Каразин.

— Николай Николаевич, а Москва-то теплее. Нет-нет да и заглянете к нам из Северной Пальмиры.

— Да ведь и вы бы без нашего холодка не обходи-

тес, тоже бываете, — отвечал Каразин. Добродушно улыбаясь и чуть пошевеливая рукой свою окладистую, ухоженную бороду, сел за стол поближе к лампе:

— Ну-с, кто что интересного расскажет?

— Николай Николаевич, вы расскажите, какие новости в столице?

Этот вопрос Каразину не нравился, и он недовольно покачивал головой:

— Новости, новости, они в газетах печатаются, в журналах. Лучше спросите, как люди живут, чем дышат...

— А как ваши «воскресенья»? — спросит Шмаровин. В Петербурге у Каразина одно время собирались по воскресеньям художники, поэты и моряки — среди последних у Каразина было много знакомых и друзей. Вечера проходили оживленно, интимность их (собирались в общем-то личные друзья художника) не помешала стать им известными.

— Ничего, идут, — отвечал Каразин. — Был тут как-то поэт Яков Петрович Полонский, стихи свои читал, поэмы, он теперь все больше поэмы пишет. О Тургеневе рассказывает, о Спасском-Лутовинове. Несколько лет жил там с семьей, места, говорит, прекрасные, а птиц...

Как только Каразин доходил до птиц — а о чем бы ни шла речь, он непременно доходил до них, — тут уже его не остановить. Николай Николаевич не только бесконечно много рисовал птиц, он писал о них, его книга «Перелет птиц» читалась с интересом. Свои рассказы о пернатых Николай Николаевич иллюстрировал рисунками.

Слышали на «Среде» и его рассказ о том, как он был исключен из Академии художеств. Рассказ передавался из уст в уста, и, если Каразин появлялся на «среде» и были художники, не слышавшие еще его, Николая Николаевича просили непременно повторить.

— Да очень просто, — начинал Каразин, не заставляя себя упрашивать, — в двадцать четыре часа исключили, и все ангелы виноваты. На курсе задали нам тему: «Посещение Авраама тремя ангелами». Я ангелов изобразил как странников, сидящих у стола и беседующих с Авраамом. Жюри мне на рисунке и написало: «Почему вы лишили ангелов подобающего им украшения?» Меня спрашивают, я и отвечаю, — разводил руками Каразин, — взял на рисунке да и написал: «Потому, что считаю Авраама догадливей академиков: увидел бы он ангелов с крыльями и тотчас догадался бы, кто они такие» — вот и исключили, в двадцать четыре часа исключили из Академии, — добавлял он не без некоторого удовольствия.

А то вдруг начинал рассказывать художникам о Средней Азии. Он провел десять лет в войсках Туркестана и немало собрал там изобразительного материала. Рассказывает, а сам тут же набрасывает на листе бумаги жилища Средней Азии, извивы Амударьи, предметы домашнего быта, сады, виноградники, памятники Хивы и Самарканда.

Николай Николаевич был внуком основателя Харьковского университета В. Каразина. Живя в Петербурге, стремясь увидеть то, чего еще не видел, активно выступая как художник-иллюстратор во

многих журналах («Нива», «Всемирная иллюстрация», «Природа и люди», «Живописное обозрение»), где почти из номера в номер шли его рисунки, Николай Николаевич не так часто бывал в родном городе, как бы ему хотелось. Поэтому он особенно радовался встречам с кем-нибудь из Харькова. Много интересных подробностей слушал он о Харькове на «среде» от Виноградова.

Сергей Арсеньевич Виноградов на Молчановке появлялся периодами — то зачистит, то исчезнет надолго, чтоб снова появиться во всем сиянии своего всегда сверхмодного костюма. Он любил красиво одеваться и следил за модой. Абрам Ефимович Архипов при случае посмеивался над ним:

— Если в моде запонки величиной с орех, у Сергея Арсеньевича целое яйцо будет оттягивать рукава, и как он бедный поворачивает головой в нынешних воротничках, ведь под самый подбородок, что в штыках голова.

Архипову можно было так говорить, Сергей Арсеньевич его очень любил. Самыми для него близкими людьми в искусстве были Архипов и Коровин. «Архипов — мой бог», — говорил он частенько и на «среде». Коровина Виноградов не называл своим божеством, но и без слов было ясно, насколько близок и дорог ему этот художник.

Виноградов приходил на «Среду» к рисовальному часу и садился за стол. Долго и старательно выбирал карандаш, пробовал его, заострял графит, затем прикладывал бумагу к доске и, слегка откинувшись на стуле, начинал рисовать крестьян в армяках, поддевках и длинных подпоясанных рубахах, русские

деревни с избами и сараями под соломой, молоденьких и старых крестьянок, а то вдруг изящных, стройных женщин под зонтиками или в шляпах с огромными полями, с замысловатыми прическами. Он редко оставлял свои работы на «среде», но бывало оставлял и даже привозил, когда жил в Харькове.

После окончания Училища живописи он уехал в Харьков, где некоторое время преподавал в художественной школе. Обычно перед рождеством и пасхой Сергей Арсеньевич приезжал в Москву, и тут-то он бывал повсюду: и в мастерских у художников, и в Литературно-художественном кружке, и на «Среде», и в Обществе любителей художеств, на аукционы которого он сдавал картины и этюды. Оставлял он рисунки для продажи и на «Среде».

Иногда, приезжая из Харькова, он приходил на «среду» с бутылкой какой-нибудь наливки.

— Из собственных садов и собственного приготовления, — гордо заявлял Виноградов, хотя у него никаких садов не было, и ставил бутылку в центр стола между растушевок, красок и кистей. Художники сдвигались потеснее, чтобы дать ему место за столом. А он сыпал вопросы:

— Где сейчас Коровин? Давно ли уехал он на Север? Кто видел его последние работы? Где Степанов и как его зверюги? Почему Архипов не выставился на последней выставке в Обществе любителей художеств? Кто давал туда на аукцион нынче работы?

Случалось и наоборот. Виноградов, только что приехавший из Харькова, успевал повидать многих и узнать больше последних новостей художественной

жизни Москвы, чем живущие здесь. Он стыдил художников и весь вечер рассказывал о том, что видел в мастерской у Архипова и Коровина. Похвалиться стоило, Архипов показывал свои вещи обычно неохотно, Коровин это делал легко. Рассказывал Виноградов художникам и какими чудесными колбасами от Белова, зажаренными целиком в печке, угощали его у Степанова, и какие картины собирается писать Алексей Степанович (он тут же набрасывал их на листке бумаги).

— А после колбасы, вообразите, не то что сыр какой-нибудь или рыбища — сбитые сливки с сухим бисквитом и шоколадом, — и Виноградов блаженно закрывал глаза, переживая вкус сливок и шоколада. Неизменное восхищение вызывала у него Людмила Ивановна, жена Степанова, ее умение создать тепло и уют домашнего очага Степанову, человеку, к которому Виноградов был искренне и сильно привязан.

Однажды к рождественскому костюмированному вечеру «Среда» получила подарок — ящик с бутылками украинской наливки из Харькова от Виноградова. Сам он из-за болезни не приехал в Москву, скучал о ней и о друзьях-художниках и поздравлял всех как мог.

Но вот Сергей Арсеньевич переселился в Москву и стал жить сначала на Лубянской площади, а затем на Софийской набережной в Кокоревском подворье. Редко, но все же появлялся он на «среде», особенно после 1912 года, когда «Среда» часто проводила свои вечера в залах Литературно-художественного кружка, а затем в Обществе любителей художеств. Так же ослепительно моден был его костюм, только

сам он стал молчаливее и не вступал теперь в споры с Богатовым. Придет, посидит, посмотрит на рисующих художников, сам набросает чей-нибудь портрет, послушает музыку, если есть на «Среде» музыканты, и уйдет пешком через Дмитровку и Красную площадь к себе на Софийскую набережную. Но видела «Среда» в эти годы Виноградова и оживленным, как встарь. Особенно после возвращения из Италии Венеция не сходила с его губ. Гондольеры, каналы, серебристые тона, пение, итальянки, и музеи, музеи...

Приходил на «среды» и Абрам Ефимович Архипов. Он знал кружок еще со времен Савеловского переулка. Тогда он бывал много чаще, на памятных листах и адресах Шмаровину то и дело встречается его ясный и четкий автограф. С годами Архипов стал реже бывать, но нет-нет да и заглянет на Молчановку. Посмотрит на рисунки Егорьева, потом на него да вдруг и скажет:

— Пигалиц, а не женщин рисуешь. Дело ли, до чего додумался — вином красным балерин рисовать! Карандашей, красок тебе мало? — и сердито посмотрев на Егорьева, отойдет. Его раздражало не столько, как рисует Егорьев, сколько, каких женщин он изображает. Егорьев пробовал отшучиваться:

— Ну да, ведь по-вашему, Абрам Ефимович, красота женщины зависит от ее веса, а балерина, она что — существо эфемерное, легкое, так, намек на женщину.

Архипов искоса поглядывал на него, постукивал пальцем по столу. Он чувствовал себя на «Среде» старшим. Так оно и было, среди членов и гостей нередко встречались и его ученики, а всякая несерь-

езность в работе, где бы она ни проявлялась, не находила одобрения у Архипова.

— Раз рисовальный час, так и рисуй, шуточки в деле боком выходят, да, да, ребром. Ишь придумал, вином дамочек писать...

Но кончался рисовальный час, и добрел Абрам Ефимович, начинал разговаривать спокойнее, без сдержанного раздражения, мелькала на его губах добродушная улыбка. Он любил музыкальную часть «Среды». Если вдруг ближе к ужину появлялся из Большого театра, после спектакля, флейтист Василий Васильевич Леонов, Архипов совсем светлел. Все, что ни играл Леонов, нравилось ему. Абрам Ефимович весь превращался в слух.

Неожиданно в гости к «Среде» приезжала Надежда Андреевна Обухова, к Архипову сейчас же посылали кого-нибудь сказать. И он приезжал: ведь Обухова пела русские песни.

Слушал Архипов всех с удовольствием, сам говорил редко и мало. Разве что после длительной поездки куда-нибудь, например на Север.

Соберутся художники осенью, начнут рассказывать, кто где был, что где видел. Архипов слушает внимательно, иной раз попросит повторить, если без него кто-то уже рассказал о своих летних путешествиях, а потом и сам скажет:

— А я опять на Севере был. Хорошо на Севере. Писал много, всю краску извел. Деревни там особенные, бродишь, бродишь по ним, вроде одна на другую похожи, избы высокие, большие, просторные, окна маленькие. У воды, озера или пруда, бани стоят, тут же сарай понастроены. А взглядишься,

похожи-то похожи, да разные. Который год по Северу брожу из одной деревни в другую и еще буду ходить. Тишина там, и живет все неторопливо, осмысленно. Озерко, на нем лодка, смотришь на нее, и думается: а она знает, зачем живет, на воде-то держится с достоинством, спокойно... И краски на Севере — поди сыщи такие, нету. Палитры не хватает: и ту краску возьмешь на кисть, и другую и третью, смешаешь их так и эдак, и все мало, не то, вот и ищи...

Неожиданно замолчит Архипов, оглянется — видит, все внимательно ждут, что он будет дальше говорить, а он уже кончил.

Несут самовар, он гудит, поблескивает красными искрами угольков. Первый стакан — Архипову, он любит пить горячий, почти кипятком. Тишина нарушена. Начинаются общие разговоры, так незаметно пролетает еще одна «среда».

Константин Константинович Первухин приходил на Молчановку прямо из Строгановского училища.

— И почему это именно среда бывает у меня больше других дней занята? — удивленно спрашивал он сам себя, раздеваясь в прихожей.

Художники любили, когда к ним приходил в гости Первухин. Тихий и скромный, он не брал в руки ни бумаги, ни карандаша, разве для того, чтобы нарисовать кафе «Аврора» в Венеции на площади Святого Марка, когда он рассказывает о своей жизни в Венеции. Первухин очень любил Италию, а особенно Венецию. Часто летом вместе с женой уезжал он именно туда.

На «среде» Первухин обыкновенно проходил

в «мертвецкую» и снимал со стены старинные гусли.

— Как васнецовские, черемисские, — говорил он и садился на широкий турецкий диван. Тихо звенели струны под осторожной рукой, звуки неопределенной, неуловимой мелодии...

— Что вы играете, Константин Константинович? — спросят его.

— А так, сам не знаю что, — ответит он и ниже нагнется к гуслиям.

Первухин участия в оркестре «чертовых скрипок» никогда не принимал, просто смеялся вместе со всеми. Он любил гусли, и только их. Почему? Однажды это обстоятельство случайно объяснилось. На «Среду» пришел Аполлинарий Михайлович Васнецов. Сначала он разговаривал со всеми в зале, смотрел работы, шутил, потом вдруг насторожился — из «мертвецкой» донеслось несколько аккордов, взятых на гуслиях звончатых.

— Кто это? — спросил Васнецов.

Ему ответили.

— Константин Константинович здесь! — воскликнул Васнецов. — А я думаю, откуда звук знакомый.

Оставив рисующих, Аполлинарий Михайлович ушел к Первухину, в «мертвецкую». Оказалось, что когда они еще совсем молодыми жили в Петербурге, Первухин часто заходил к Аполлинарию Михайловичу на Восьмую линию Васильевского острова, снимал у него со стены черемисские гусли, Васнецов привез их с собою из Вятской губернии и подолгу, как теперь на «среде», перебирал струны.

— Черемисы, черемисы, — говорил Первухин, — слово-то какое звучное, а вот настоящего живого

черемиса — древнего, с обычаями, не тронутыми цивилизацией, «горного» или «лугового» из глухих лесов, где у них такие же лиры звучат, — мне так и не удалось повидать.

— Так вот почему вы любите гусли, — заговорили на «Среде», — молодость напоминают, Питер, учение?

— Молодость, и не только питерскую, — поправлял Первухин, — я ведь харьковчанин, не раз на большаках, в степи еще мальчишкой слушал лирников. Как пели! Вот я стараюсь на гуслиях передать мотив тех песен. Где там — не получается! Так только звуки отдельные выхватишь, вроде совпадают по мелодии с теми.

Константин Константинович смотрел на художников, собирающихся на «средах», как на молодежь, хотя многие из них были примерно его возраста. Охотно рассказывал он что знал и видел, а знал он много. Иногда его удавалось извлечь из «мертвецкой», с гуслиями он все же не расставался, забирал их с собой. Помолчав немного и послушав, что говорят другие, он не спеша и сам вступал в разговор. Чаще всего это был увлекательный рассказ об Италии, ее городах, вечерних кафе и редко — о своем нелегком пути в искусство.

Но много Первухин говорить не любил.

Посидев со всеми в зале, он опять уходил в «мертвецкую» извлекать из проволочных струн родные его душе звуки.

Когда Константин Константинович умер, Аполлинарий Михайлович Васнецов, знавший его лучше других, написал о нем небольшие воспоминания.

Часть из них была напечатана в известиях Литературно-художественного кружка, часть так и осталась неопубликованной. «Среда» просила Васнецова прочесть их в годовщину смерти Первухина, и на одной из «сред» 1916 года Васнецов читал: «...Трудно бывает нашему брату художнику на первых порах художественной деятельности, нужда... Но молодость все преодолевает и претерпевает — впереди еще долгая будущность, и в ней-то вся надежда и крепость настойчивости... Теперь уж не станешь выписывать сучки, листочки на дереве и всякую траву на земле, а тогда делалось это с любовью, терпением. Работы Константина Константиновича отличались именно этой любовью к рисунку и к деталям и параллельно к тонам и краскам. Как пейзажисту ему была главной школой и мастерской природа — поля, леса, река и облака, бегущие над ними, а кружок молодых художников-южан... к которым пристал по приезде в Питер Константин Константинович, дал ему возможность рисовать и фигуру человека. Нанималась соборная комната в знаменитой Лихачевке... В кружок входили Первухин, Левченко, Далькевич, он одно время был кошевым, Дубовской, Хохряков, Костанди и другие. Жили как бог на душу положит, настоящая богема... Я был тогда непримиримым пейзажистом и рисование человеческой фигуры и головы считал для пейзажиста пустой тратой времени. Когда лихачевская академия распалась, стали собираться поочередно у товарищей, главным образом у Дубовского, пели хором «У Харькови, на рыночки, ой пыв чумак горилочку». В антрактах пекли каштаны в топившейся голландке. Константин Константинович

бывал на этих вечерах часто, и я, смягчившись во мнении о пригодности человеческой фигуры для пейзажиста, стал тоже деятельным посетителем их. Первухин был также упорным учеником на рисовальных вечерах у Репина... И так, не проходя специальной школы, Первухин, как показывают его картины, научился владеть и человеческой фигурой — припомним его пейзаж с венецианцами. Его картины, к сожалению, — закончил тогда Васнецов, — имели далеко не тот успех, который они заслуживали».

Аполлинарий Михайлович сам был всегда дорогим и желанным гостем «Среды». Не таким частым, как бы того хотелось художникам. Но случалось, и он заглядывал на Молчановку. Не всегда Васнецов вступал в разговоры: ответит на вопрос, улыбнется шутке, а больше рисунки рассматривает.

— Вот и в два часа, между шуток можно кое-что сделать, — обронит он, перекладывая акварели, гуаши и небольшие этюды маслом.

Иногда удавалось разговорить Аполлинария Михайловича, и это бывали замечательные моменты в жизни «Среды». Чего-чего ни знал младший Васнецов! Особенно любопытно было слушать его рассказы о старой Москве, скажем, «Москва при Иване Грозном» или еще дальше — «Москва при Иване Калите», о книжных лавках на Спасском мосту, о банях на Неглинной, о том, как пушки лили на реке Неглинке, Аполлинарий Михайлович был членом астрономического общества, и случалось «Среде» слышать от него об ином мире, мире звезд. Все загорались, начинали излагать свои очень скудные

знания о Галактике, но интерес эта тема вызвала неизменный.

А то задержится Аполлинарий Михайлович в «мертвецкой», долго рассматривает археологическую коллекцию, снимет со стены несколько браслетов, колец, старинное оружие, принесет их в зал и начинает рассказывать о прошлом. Давно время ужина, отложены в сторону все дела, плотным кольцом окружили стол гости и слушают.

Замолкал Аполлинарий Михайлович, когда дежурный ударял в бубен — пора к ужину.

— Аполлинарий Михайлович, а у нас сегодня в бочонке «двойное золотое» по случаю мороза, — улыбнется Аполлинарий Михайлович: он любит это пиво и с удовольствием выпьет его вместе со всеми. Шум, шутки сменяют тишину, начинается ужин, может быть, и танцы, а может быть, и снова мирные беседы художников и гостей «Среды».

От последней «Среды» остались только стихи Гиляровского:

Заботы жизни бросим,
В тревоге толку нет,
И справим 38
«Среде» любимой лет.
Припомним бочку пива,
И бубен, и Орла,
Как весело и живо
«Среда» тогда жила.
Не надо лиц замученных,
И дух не угашай,
Вали «Недурно пущено»,
Володя, запевай...

«Среда» отмечала свою тридцать восьмую годовщину. Через несколько дней, в октябре 1924 года, Владимир Егорович Шмаровин умер, завещав инвентарь «Среды»: ее альбомы, протоколы, собрание рисунков и акварелей — все передать в Третьяковскую галерею. Завещание было выполнено в 1933 году.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аладжалов Мануил Христофорович (1862—1934). Художник. 33, 70, 93, 192, 111, 112, 113.

Андреев Николай Андреевич (1873—1932). Скульптор. 37, 66.

Антокольский Марк Матвеевич (1843—1902). Скульптор. 87.

Артем (Артемьев Александр Родионович) (1842—1914). Актер Художественного театра. 22.

Архипов Абрам Ефимович (1862—1930). Художник. 29, 70, 95, 111, 116, 133, 134, 135, 136, 137, 138.

Аспергер Оскар Федорович. Виолончелист Большого театра. 35, 55, 56, 70, 106.

Батурин Виктор Павлович (1863—1938). Художник. 33, 62, 63, 64.

Бахрушин Алексей Александрович (1865—1929). Основатель Театрального музея в Москве. 70.

Богатов Николай Алексеевич (1854—1935). Художник. 8, 9, 10, 11, 13, 23, 24, 25, 31, 33, 41, 43, 72, 76, 77, 79, 80, 81, 85, 93, 99, 104, 124, 125, 126, 129, 136.

Бренко Анна Алексеевна (1848—1934). Актриса. Основательница первого частного театра в Москве. 19.

Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924). Поэт. 36, 70, 111.

Буланова Елена Алексеевна (1876—1944). Поэтесса. 108.

Бунин Иван Алексеевич (1870—1953). Писатель. 116, 126, 127.

Бунин Юлий Алексеевич (1858—1921). Литератор, брат И. А. Бунина. 126.

Бурхард Федор Карлович (1854—?). Художник. 16, 23, 31, 61.

Бялыницкий-Бируля Витольд Каэтанович (1872—1957). Художник. 73.

- Вальц Карл Федорович (1846—1929). Театральный декоратор. 34.
- Васнецов Апполинарий Михайлович (1856—1933). Художник. 29, 139, 140, 141, 142, 143.
- Васнецов Виктор Михайлович (1848—1926). Художник. 29, 130.
- Веков Николай Дмитриевич (1877—?). Певец. 58.
- Верещагин Василий Васильевич (1842—1904). Художник. 29.
- Виноградов Сергей Арсеньевич (1869—1938). Художник. 29, 95, 111, 133, 134, 135.
- Вишневецкий Александр Леонидович (1861—1943). Актер. 70.
- Волнухин Сергей Михайлович (1859—1921). Скульптор. 51, 70, 79, 93.
- Волошин Максимилиан Александрович (1877—1931). Поэт, художник. 114.
- Ворошилов С. С. Художник. 109.
- Врубель Михаил Александрович (1856—1910). Художник. 120.
- Высотский К. С. (1864—?). Художник. 62, 63, 64.
- Гермашев Михаил Маркианович (1868—?). Художник. 34, 35, 37, 67, 68.
- Гиляровский Владимир Алексеевич (1853—1935). Писатель. 35, 37, 38, 41, 46, 50, 65, 74, 76, 93, 98, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 115, 121, 143.
- Голоушев (Глаголь) Сергей Сергеевич (1855—1920). Художественный критик, художник, врач. 16, 17, 22, 31, 60, 68, 70, 72, 84, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 128.
- Голубкина Анна Семеновна (1864—1927). Скульптор. 17, 68.
- Горев Федор Павлович (1847—1910). Актер Малого театра. 86, 93, 124, 125, 126.
- Грабарь Игорь Эммануилович (1871—1960). Художник, историк искусства. 97.
- Гугунава Иван Егорович (1860—1919). Художник. 44, 47, 66, 67, 75, 99, 101, 102, 103, 119.
- Гунст Анатолий Оттович (1858—1919). Архитектор. 78, 79, 82.
- Далькевич Мечислав Михайлович (1861—1942). Художник. 141.

- Дивов Николай Николаевич (1879—1942). Художник. 44, 75.
Досекин Николай Васильевич (1863—1935). Художник. 113, 114.
Дубовской Николай Никанорович (1859—1918). Художник. 141.
Дункан Айседора (1878—1927). Танцовщица. 37.
Егорьев Николай Николаевич (1860—1908). Художник. 23, 33, 35, 38, 50, 51, 60, 61, 99, 101, 136.
Ефимов Александр Федорович. Художник. 16, 33, 38, 62, 63, 129.
Завьялов Николай Васильевич (1863—1922). Художник. 51, 60, 61, 62, 67, 93.
Зарецкий Александр Антонович (1864—?). Художник. 31.
Златовратский Николай Николаевич (1845—1911). Писатель. 36.
Иванов Сергей Васильевич (1864—1910). Художник. 29, 61, 68.
Калмыков Иван Леонидович (1866—1955). Художник. 17, 73.
Каразин Николай Николаевич (1842—1908). Художник. 130, 131, 132.
Кафка Вячеслав Антонович (?—1889). Скульптор. 16, 24, 25, 118.
Кенеман Федор Федорович (1873—1937). Пианист, композитор. 120, 122.
Киселев Александр Александрович (1838—1911). Художник. 16, 23, 60, 83, 88, 93.
Клементова-Муромцева Мария Николаевна (1856—1946). Певица. 53, 54.
Клодт Николай Александрович (1865—1918). Художник. 16, 21, 32, 33, 34, 35, 43, 48, 50, 61, 62, 68, 88, 92, 93, 94, 122, 123.
Коваленко Николай Михайлович. Художник. 23, 31.
Комиссаржевская Вера Федоровна (1864—1910). Актриса. 22, 25, 123, 124.
Комиссаржевский Федор Петрович (1838—1905). Оперный певец, режиссер. 19, 26.

- Корещенко Арсений Николаевич (1870—1921). Композитор, дирижер, пианист. 53, 54, 122.
- Корин Алексей Михайлович (1865—1923). Художник. 70, 73.
- Коровин Константин Алексеевич (1861—1939). Художник. 16, 17, 20, 21, 23, 24, 25, 26, 29, 61, 68, 70, 75, 84, 85, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 111, 115, 120, 121, 122, 123, 133, 134, 135.
- Корсов Богомир Богомирович (1845—1920). Оперный певец. 51.
- Корш Федор Адамович (1852—1921). Основатель драматического театра в Москве. 7, 123.
- Костанди Кириак Константинович (1852—1921). Художник. 141.
- Кравченко Алексей Ильич (1889—1940). Художник. 17, 75, 116.
- Кругликова Елизавета Сергеевна (1865—1941). Художница. 114.
- Крылов Иван Иванович (?—1936). Художник. 34, 93, 103, 104.
- Кувшинникова Софья Петровна (1847—1907). Художница. 23, 41, 82, 86, 97.
- Кусевицкий Сергей Александрович (1874—1951). Дирижер, контрабасист. 56, 70.
- Лагорио Лев Феликсович (1827—1905). Художник. 17, 61.
- Левитан Адольф Ильич (1859—1933). Художник, брат И. И. Левитана. 16, 61, 70.
- Левитан Исаак Ильич (1860—1900). Художник. 9, 16, 21, 23, 24, 25, 29, 31, 60, 61, 68, 75, 79, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 91, 92, 95, 96, 97, 117, 123, 124.
- Левченко Петр Алексеевич (1856—1917). Художник. 141.
- Ленский Александр Павлович (1847—1908). Артист Малого театра, режиссер, педагог. 86, 87, 93, 124.
- Лентовская Софья Николаевна (1868—1944). Пианистка. 55, 106.
- Леонов Василий Васильевич. Флейтист Большого театра. 55, 137.
- Лешковская Елена Константиновна (1864—1925). Актриса Малого театра. 51.

- Лохвицкая Мирра Александровна (1869—1905). Поэтесса. 36, 127.
- Маковский Владимир Егорович (1846—1920). Художник. 78.
- Малютин Иван Андреевич (1892—1932). Художник. 41, 43, 44, 73, 74, 99, 117, 118, 130.
- Мамонтов Савва Иванович (1841—1919). Московский меценат. 5, 89, 90, 91, 120, 130.
- Мартен Дмитрий Эмильевич (1860—1918). Художник. 51, 62, 63, 64.
- Меч Р. (Менделевич Роман). Журналист. 43.
- Мешков Василий Никитич (1867—1946). Художник. 70, 121, 122.
- Моор Дмитрий Стахивич (1883—1946). Художник. 44, 48, 75, 99, 117, 118.
- Мюнстер Цезарь Александрович. Устроитель выставок. 75, 76.
- Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858—1943). Режиссер. Основатель Художественного театра. 51.
- Нестеров Михаил Васильевич (1862—1942). Художник. 29.
- Николадзе Яков Иванович (1876—1951). Скульптор. 35.
- Обухов Сергей Трофимович (1856—1929). Управляющий московской конторой императорских театров. 58, 70.
- Обухова Надежда Андреевна (1886—1962). Певица. 57, 58, 70, 137.
- Остроухов Илья Семенович (1858—1929). Художник. 91.
- Павлов Иван Николаевич (1872—1951). Гравер. 17, 38, 39, 73, 74, 76.
- Пастернак Леонид Осипович (1862—1945). Художник. 70.
- Первухин Константин Константинович (1863—1915). Художник. 68, 138, 139, 140, 141, 142.
- Переплетчиков Василий Васильевич (1863—1918). Художник. 16, 21, 23, 24, 25, 29, 68, 70, 93.
- Перов Василий Григорьевич (1833—1882). Художник. 81.

Петров-Водкин Козьма Сергеевич (1876—1939). Художник. 17, 68.

Петровичев Петр Иванович (1874—1947). Художник. 17, 43, 68, 76, 99, 114, 115, 117.

Поленов Василий Дмитриевич (1844—1927). Художник. 5, 23, 29, 73, 78, 87.

Померанцев Ю. Н. Композитор. 65.

Постников Петр Иванович. Хирург, спортсмен, собиратель живописи. 106.

Прянишников Илларион Михайлович (1840—1894). Художник. 78.

Пчелин Владимир Николаевич (1874—1943). Художник. 70, 93, 109.

Рахманинов Сергей Васильевич (1873—1943). Композитор, пианист. 54, 58.

Рачков Николай Ефимович (1825—1895). Художник. 68.

Ребиков Владимир Иванович (1866—1920). Композитор. 54, 55.

Репин Илья Ефимович (1844—1930). Художник. 75, 121, 142.

Ряжский Георгий Александрович (1872—1950). Адвокат. 44, 46, 104.

Саврасов Алексей Кондратьевич (1830—1897). Художник. 29, 61, 119.

Серов Валентин Александрович (1865—1911). Художник. 23, 29, 92, 114, 120, 122.

Сильверсван Андриан Карлович (1858—1933). Художник. 24, 31.

Симов Виктор Андреевич (1858—1935). Художник. 17, 42, 50, 51, 68, 70, 100.

Синцов Андрей Андреевич (1868—1910). Художник. 35, 38, 42, 46, 51, 53, 62, 67, 93, 99, 100, 113.

Скрябин Александр Николаевич (1872—1915). Композитор. 38, 54.

Слепушкин Александр Иванович (1870—1918). Арфист, профессор Московской консерватории. 55.

- Соколов Владимир Иванович (1872—1946). Художник. 68, 75, 117.
- Соколов Евгений Гаврилович (1880—1949). Художник. 67, 68, 76, 117, 118.
- Соллогуб Федор Львович (1848—1890). Художник. 10, 11, 16, 19, 20, 21, 24, 25, 26, 86, 123.
- Сорокин Евграф Семенович (1822—1892). Художник. 78.
- Станиславский Константин Сергеевич (1863—1938). Режиссер. Основатель Художественного театра. 19, 21, 26, 51.
- Степанов Алексей Степанович (1858—1923). Художник. 16, 21, 23, 24, 25, 27, 29, 31, 32, 34, 41, 43, 61, 63, 64, 68, 70, 83, 85, 86, 95, 97, 111, 123, 134, 135.
- Струнников Николай Иванович (1871—1945). Художник. 17, 68, 109.
- Суреняц Вардгес Яковлевич (1860—1921). Художник. 17, 68.
- Суриков Василий Иванович (1848—1916). Художник. 9, 14, 16, 29, 55, 61, 70, 73, 75, 80, 95, 127, 128, 129, 130.
- Туржанский Леонард Викторович (1875—1945). Художник. 17, 44, 68, 76, 99, 114, 115, 116.
- Федотов Александр Филиппович (1841—1895). Актер, режиссер. 19.
- Федотова Гликерия Николаевна (1846—1925). Актриса. 22, 26.
- Фосс Федор Яковлевич. Художник. 88, 89.
- Хохряков Николай Николаевич (1857—1928). Художник. 141.
- Цветкова Евгения Яковлевна (1872—1929). Певица. 58.
- Чайковский Петр Ильич (1840—1893). Композитор. 7, 38, 53, 54.
- Шаляпин Федор Иванович (1873—1938). Певец. 70, 93, 119, 120, 121, 122, 123.
- Шенрок Владимир Иванович (1853—1910). Филолог. 66.
- Шестеркин Михаил Иванович (1866—1908). Художник. 36, 38, 42, 67, 68, 75, 109, 110, 111.

- Шехтель Франц Осипович (1859—1926). Архитектор. 79.
- Шиловская-Бегичева М. В. (1830—1879). Певица. 6.
- Шиловский Константин Степанович (1848—1893). Актер. 6, 7, 8, 10, 21, 24, 34, 82, 86, 95.
- Шмаровин Владимир Егорович (1852—1924). Любитель и собиратель живописи. 5, 6, 8, 10, 12, 13, 14, 16, 17, 22, 24, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 43, 46, 48, 52, 56, 57, 60, 66, 72, 75, 76, 82, 83, 87, 90, 92, 93, 98, 99, 109, 119, 124, 136, 144.
- Шмаровина Раиса Владимировна (1883—1962). Дочь В. Е. Шмаровина. 55, 56, 103.
- Юдин Сергей Петрович (1889—1963). Певец. 58, 70.
- Южин Александр Иванович (1857—1927). Актер Малого театра. 51.
- Юон Константин Федорович (1875—1958). Художник. 70.
- Яблочкина Александра Александровна (1868—1963). Актриса Малого театра. 70.
- Ягужинский Сергей Иванович (1862—1946). Художник. 16, 22, 24, 25, 27, 31, 32, 33, 35, 39, 43, 51, 60, 61, 62, 67, 75, 77, 78, 79, 80, 88, 93, 99, 119, 124, 129.
- Янов Александр Степанович (1857—1918). Художник. 79.
- Яровой Михаил Михайлович (1864—1940). Художник. 17, 94.
- Ясинский Алексей Алексеевич (1874—1943). Художник. 73.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИИ

Группа художников на «Среде». Фотография. 1900-е гг.	48—49
Гимн «Среды»	—
Е. Г. Соколов. Шарж на Ф. К. Бурхарда	—
С. А. Виноградов. Портрет С. А. Полякова	—
Протокол «Среды». Столетие Отечественной войны 1812 года	—
М. И. Шестеркин. Портрет Н. А. Клодта	—
А. С. Степанов. Портрет Н. А. Клодта с собакой	—
А. С. Степанов. Портрет В. Е. Шмаровина	—
К. А. Коровин. Портрет М. Х. Аладжалова	—
Е. Г. Соколов. Шарж на М. А. Волошина	—
Н. А. Клодт. Портрет О. Ф. Аспергера	—
Н. А. Клодт. Автошарж	—
Н. А. Клодт. Портрет А. С. Степанова с собакой	—
Н. А. Клодт. Портрет Н. А. Богатова	—
Н. А. Клодт. Портрет А. П. Ленского	96—97
Н. А. Клодт. Портрет А. А. Синцова	—
Н. А. Клодт. Шарж на С. М. Волнухина	—
М. М. Яровой. Портрет И. И. Крылова с гитарой	—
Н. А. Клодт. Портрет В. А. Гиляровского	—
Н. А. Клодт. Портрет С. И. Ягужинского	—
С. И. Ягужинский. Портрет А. С. Голубкиной	—
Н. А. Клодт. Шарж на А. А. Киселева	—
И. А. Малютин. Портрет И. Е. Гугунавы	—

С. И. Ягужинский. Портрет Ф. Ф. Кенемана	96—97
И. А. Малютин. Шарж на И. Н. Павлова	—
Л. В. Туржанский. П. И. Петровичев и Л. В. Туржанский	—
Е. Г. Соколов. Меню юбилейного ужина «Среды» в 1911 году	—
Д. С. Моор. Шарж на Л. В. Туржанского	—
К. А. Коровин. Портрет Ф. Я. Фосса	—
Д. С. Моор. Шарж на М. С. Сарьяна	—

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Недурно пущено»	5
В Обществе искусства и литературы	19
Дом на Молчановке	28
Листы бристоля	33
«Среда» развлекается	40
Звуки-муки, звуки-радости	52
Юбилей и выставки	59
Члены «Среды»	77
Гости «Среды»	119
Именной указатель	145
Список иллюстраций	153